

М. ЖИРМУНСКИЙ

ЛАТВИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1940

І. ТЕРРИТОРИЯ И ГРАНИЦЫ

Современная Латвия (Latvijas Republica)—одно из трех государств (Эстония, Латвия и Литва), возникших на территории Прибалтийского края бывшей Российской империи после победы Великой Октябрьской Социалистической революции. В состав Латвии вошли: почти вся бывшая Курляндская губерния царской России, южная часть Лифляндской губернии (уезды Рижский, Венденский, Валкский и Вольмарский), северо-западная часть Витебской губернии (в основном Двинский, Люцинский и Режицкий уезды) и часть Островского уезда Псковской губернии. Расположена Латвия в северо-восточной части Европы, между $55^{\circ} 40' 23''$ и $58^{\circ} 5' 12''$ северной широты и $20^{\circ} 58' 7''$ и $28^{\circ} 14' 30''$ восточной долготы. Общее протяжение ее государственных границ—1895 км. На востоке и частично на юге Латвия граничит с СССР (протяжение границы—441 км), на севере—с Эстонией (375 км), на юге—с Литвой (585 км); на западе Латвия примыкает к Балтийскому морю, образуя у латвийских берегов обширный Рижский залив; протяжение морской границы—494 км.

Территория Латвии составляет 65 791 км². По своей конфигурации Латвия вытянута в широтном направлении, при наибольшем протяжении с запада на восток в 440 км, а с юга на север в 200 км.

В административном отношении Латвия делится на четыре области: Видземе, Курземе, Земгале, Латгале; город Рига—столица Латвии—выделен в самостоятельную административную единицу.

Области подразделяются на 19 уездов (apgabali): Видземе, Курземе и Земгале имеют по 5 уездов, Латгале—4. Уезды в свою очередь подразделяются на волости (всего в Латвии насчитывается 517 волостей).

Территория и население Латвии

(по переписи 1935 г.)

	Территория (в км ²)	Население (в тыс.)	Плотность населения на 1 км ²
Рига	210,7	385,1	1 827,0
Видземе	23 070,0	406,2	17,6
Курземе	13 210,0	292,7	22,2
Земгале	13 621,0	299,3	22,0
Латгале	15 679,0	567,2	36,2
Всего . .	65 790,7	1 950,5	29,6

По данным 1938 г., население Латвии составляет 1 971 тыс. человек.

II. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Географическое положение Латвии в значительной степени определяло ее исторические судьбы.

Три основных фактора играли при этом выдающуюся роль: во-первых, положение Латвии на западной окраине обширной Восточно-Европейской равнины, частью которой она является; во-вторых, соприкосновение Латвии с Балтийским морем в его малозамерзающей и вовсе не замерзающей части; в-третьих, пересечение Латвии крупной водной артерией—Западной Двиной, связывающей Балтийское море с внутренними районами Восточно-Европейской равнины. Западная Двина издревле представляла важнейший участок водного пути, соединявшего Балтийское и Черное моря, по которому шел оживленный товарооборот между Западной и Восточной Европой, а через последнюю и с Азией. Благодаря этим факторам Латвия являлась для западных стран как бы преддверием по отношению к обширным примыкающим к ней областям Восточной Европы, а с другой стороны, она же оказывалась для последних естественным выходом к Балтийскому морю, а через него и в Западную Европу.

Именно в связи с этим Латвия на протяжении веков служила ареной напряженной борьбы различных государств, расположенных в бассейне Балтийского моря и стремившихся в той или иной форме к политической и экономической экспансии на Восток.

Именно поэтому Россия Петра I, не имевшая морских границ в Прибалтике, так стремилась к овладению и этим естественным для нее выходом к морю.

Именно географическое положение Латвии способствовало ее более раннему и более быстрому капиталистическому развитию по сравнению с другими частями бывшей Российской империи.

Устройство поверхности Латвии—холмы и возвышенности, ложбины и котловины, многочисленные озера, обширные болота, множество валунов—отражает былую деятельность ледника, когда-то покрывавшего всю северную часть европейского материка.

Принадлежа в целом к Восточно-Европейской равнине, Латвия по характеру своего рельефа может быть разделена на три основные части:

1. Центральную, так называемую Риго-Елгавскую низменность, покатую в направлении к Рижскому заливу и окаймленную на западе, юго-западе и юго-востоке мореными холмами, расположенными правильным полукругом вокруг Елгавы. Реки Мемеле и Муша, берущие свое начало в Литве, прорезают Елгавскую гряду моренных холмов и сливаясь образуют реку Лелупе (Курляндская Аа), которая вместе со своими многочисленными притоками обильно орошает плодородную Риго-Елгавскую низменность.

2. Западную, простирающуюся к западу от Риго-Елгавской низменности. Здесь, в пределах западной части Курземе, поднимается так называемая Курляндская возвышенность—группа холмов высотой до 200 м, прорезанная долинами реки Венты, также берущей свое начало в Литве, и ее правого притока—реки Абавы. Живописность этой части Латвии, в особенности около города Талси, обусловленная сочетанием глубоких речных долин с покрытыми лесом склонами холмов, заслужила ей название «Курляндской Швейцарии». Холмистый рельеф западного Курземе резко обрывается в направлении к морю, вдоль побережья которого тянется низменная—лесистая и частично заболоченная—полоса в 10—30 км шириной.

3. Восточную, т. е. территорию, расположенную к востоку от Риго-Елгавской низменности. Эта часть Латвии занята несколькими группами холмов, более высокими, чем на западе страны.

Наиболее обширная и наиболее возвышенная из этих групп занимает территорию Видземе, к северо-востоку от реки Даугавы. Здесь расположена Южно-Видземская возвышен-

ность с наиболее высокой вершиной Латвии—Гайсин (313 м)—и с озером Аллукста (на высоте 203 м), откуда берет свое начало река Гауя (Лифляндская Аа). Еще далее на северо-восток к Южно-Видземской возвышенности примыкает Восточно-Видземская, достигающая в пределах Латвии высоты в 275 м. Восточно-Видземская возвышенность частично переходит на территорию Эстонии, где поднимается до 317 м (гора Мунамаги—самая высокая точка всех прибалтийских стран). К югу от Восточно-Видземской возвышенности простирается малоплодородная равнина Айвексте с озером Лубана, покрытая торфяными болотами. Еще южнее рельеф вновь приобретает холмистый характер, достигая 260 м в возвышенностях Латгале. В западной части Видземе тянется Западно-Видземская возвышенность, получившая в районе между Валмерой и Сигулдой название «Лифляндской Швейцарии». Это живописная холмистая местность, где река Гауя извивается в высоких (до 80 м), покрытых лесом берегах.

Латвийское побережье—большей частью плоское и песчаное, окаймленное несколькими параллельными рядами поросших соснами дюн, изобилует мелями, заболоченностями, лагунами и береговыми озерами—остатками прежних морских заливов (озера Лиепая, Папе, Тасмар, Энгуре).

Латвия имеет много рек; важнейшие из них стекают в направлении главной, Рижской, покатости страны. Как уже отмечалось, основной водной артерией Латвии является река Даугава (Западная Двина), берущая начало на Валдайской возвышенности, в пределах СССР. При общей длине в 1 тыс. км Даугава вступает на 633-м километре в пределы Латвии, в ее южной части, и течет затем 367 км по ее территории в северо-западном направлении вплоть до впадения в Рижский залив. Ниже Риги, близ своего устья, она достигает 800—1 400 м ширины. Прорезая себе путь через Видземскую возвышенность, Даугава порожиата от впадения в нее реки Айвексте до города Кокнезе, что препятствует судоходству. Даугава принимает в себя ряд притоков; наиболее крупные из них: с правой стороны—река Айвексте (длина—128 км), вытекающая из озера Лубана, и река Огре (200 км); с левой стороны—река Лелупе (120 км), образованная, как уже отмечалось, берущими начало в Литве реками Муша и Мемеле.

В направлении западной покатости в пределах Курземе течет река Вента (длина—342 км, из них на территории Латвии—177 км), образующая водопад около города Кул-

дига, принимающая затем справа реку Абаву (131 км) и впадающая потом в Балтийское море у Вентспилса. Северо-восточная Латвия орошается рекой Гауя (439 км), вытекающей из озера Аллукста и впадающей в Рижский залив в 30 км к северо-востоку от устья Даугавы.

В Латвии насчитывается около тысячи озер, занимающих в совокупности 1,4% территории страны; крупнейшее из них—озеро Лубана (площадь—88 км²) на границе между Латгале и Видземе. Латгале особенно изобилует озерами (наиболее крупное из них—озеро Разнас—56 км²); много озер в северном Видземе (наиболее крупное—озеро Буртнеки—40 км²); крупнейшее озеро в Курземе—Усмас (39 км²).

Доступны для судоходства, хотя и не на всем своем протяжении, реки Даугава и Айвексте, Лелупе и Мемеле, Вента, а также озера Лубана, Лиепая, Буртнеки. Вся длина судоходных участков рек—446 км при общем протяжении водных путей в 4469 км.

Обладая в общем умеренным континентальным климатом, Латвия все же не однородна в климатическом отношении. Амплитуда температурных колебаний между наиболее холодными и наиболее жаркими месяцами значительна как на побережье, так и в глубине страны, однако по мере продвижения с запада на восток переход от более морского климата к более континентальному становится все заметнее. Так, в Лиепе, у моря, при среднегодовой температуре в 1935 г. +6,5°, годовая амплитуда достигла 20,1° (средняя января —3,3°, средняя июля +16,8°); в центре страны, в Риге, при средней годовой +6,4°, годовая амплитуда уже выше, 23,1° (средняя января —6,8°; средняя июля +16,3°), а на востоке, в Даугавпилсе, при средней годовой +6,5°, годовая амплитуда достигает 25,9° (средняя января —9,1°; средняя июля +16,8°).

Река Даугава замерзает в конце ноября или в начале декабря и вскрывается в первой половине апреля.

Климатические условия Латвии отражаются и на условиях судоходства в ее портах. Тогда как Рижский порт, так же как и Таллин в Эстонии, не свободен от льдов в зимнее время и судоходство возможно лишь с помощью ледоколов, порт Лиепая обычно совершенно не замерзает и доступен судам круглый год.

По среднему за длительный промежуток времени количеству годовых осадков (в Риге—540 мм, в Елгаве—510 мм) Латвия близка к условиям центральной части СССР (в Москве выпадает в среднем за год 533 мм).

Наиболее обильны осадки в летние месяцы, а также в ноябре—декабре. В то же время их количество уменьшается с запада на восток. Так, в Вентспилсе выпало в 1935 г. 770 мм осадков, в Риге—635 мм, а в Даугавпилсе—526 мм. За год в Риге насчитывается в среднем 179 дождливых дней и 51 туманный.

По характеру почв Латвия относится к подзолистой зоне; много болот, которыми занято около 12,5% территории. Значительна площадь лесов, покрывающих около 27% территории страны; преобладают в них хвойные: сосна и ель, лишь местами встречаются чисто лиственные леса.

Полезными ископаемыми Латвия очень бедна, практически она не имеет ни минерального топлива, ни металлических руд.

Обширные торфяные болота—в Риго-Елгавском районе, в юго-западной Латвии, около Лиепайи, в Латгале и т. д.—потенциально представляют значительные ресурсы энергии (общие запасы торфа—около 1,7 млрд. т). Но из-за отсутствия капиталов и невозможности поэтому поставить технически рациональную и рентабельную эксплуатацию этих ресурсов они весьма слабо используются. Около Айзпуте, в Курземе, обнаружен бурый уголь, качественно, однако, мало пригодный для использования; во многих местах встречается болотная руда, также не имеющая промышленного значения. Большую роль играет разработка доломитов (залегающих по берегам Даугавы) для нужд керамической и строительной промышленности, известняка (в районе Цесиса и по рекам Даугаве и Венте), мела (на юге Курземе), глины (в районе Елгавы), гипса. На Балтийском побережье Курземе находят янтарь.

Латвия располагает также рядом целебных—серных и других—источников в Кемери, Балдоне, Кандаве, Сигулде и т. д. Эти источники и известное Рижское взморье до 1914 г. привлекали из различных частей России многочисленных больных и отдыхающих, доходы от которых играли немалую роль в экономике Латвии. С прекращением притока приезжих из-за границы, после образования самостоятельной Латвии, этот источник дохода почти потерял свое значение для латвийского хозяйства.

Реки Латвии—Даугава, Гауя, Вента и др.—могут служить источниками гидроэнергии, но, так же как и торф, используются в весьма малой степени из-за недостатка капиталов для строительства электростанций.

III. ИСТОРИЯ ЛАТВИИ ДО ОБРАЗОВАНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЛАТВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Исторические судьбы латышского народа издавна тесно связаны с существованием и развитием народов, населяющих Советский Союз. Развитие капитализма, наибольший рост промышленности и сельского хозяйства Латвии падают на период тесных экономических связей, установившихся между ней и остальной частью России во второй половине XIX в. и в начале XX в. Латышские рабочие и крестьяне вели борьбу против царизма, помещиков и капиталистов в тесном союзе с рабочими и крестьянами прочих частей царской России.

В силу своего географического положения Прибалтика, составной частью которой является Латвия, еще с древних времен привлекала к себе внимание различных завоевателей. В течение многих столетий она неоднократно переходила от одного из борющихся за нее государств к другому, пока Великая Октябрьская Социалистическая революция не открыла для населяющих ее народов возможности независимого существования.

В глубокой древности на территории современной Латвии обитали различные племена—ливы, куры, эсты, финны, именами которых стали впоследствии называться заселенные ими области—Лифляндия, Эстляндия, Курляндия. В VI—VII вв. эти племена были оттеснены на север и северо-запад литовско-латышскими племенами—латышами, латгалами, земгалами.

Латыши и латгалы занимали современную Латгале и значительную часть Лифляндии, земгалы жили к югу от Западной Двины, куры расселились на Курляндском полуострове, ливы—по побережью Рижского залива. Ливы и куры впоследствии слились с латышскими племенами. Постепенно среди последних возникают зачатки государственности, но латыши еще не успели ее создать, как их территория стала объектом борьбы германских, скандинавских и славянских стран. Уже с IX в. в Прибалтике появляются шведы, датчане, немцы в целях торговли и военного грабежа. В X—XI вв. полоцкие и псковские князья распространяют среди латышей православие, строят на востоке города и крепости (Юрьев основан русскими в 1030 г.), взимают с прибалтийских народностей дань.

В XII в. Прибалтика в числе прочих земель на востоке Европы привлекает к себе усиленное внимание немецких

завоевателей. Немецкие князья, искавшие новых территориальных приобретений, немецкое рыцарство, стремившееся к новым грабежам после неудачи в крестовых походах на мусульманском Востоке, немецкая церковь, рассматривавшая обращение «язычников» как прибыльное дело, и немецкие купцы, искавшие новых рынков и источников сырья, лавиной устремились в Прибалтику. «Эсты, ливы, куры, литовцы впервые познакомились с язвой христианства через немецкое купечество...»¹ Немецкие фактории стали возникать на землях эстов и ливов во второй половине XII в., причем немецкие купцы и пришедшие с ними ремесленники «встречали хороший прием до тех пор, пока они не начинали говорить о язве христианства и о десятине»².

В целях закрепления своих позиций немецкие колонизаторы добились от папы Иннокентия III объявления первого крестового похода против ливов (1196 г.). Соппротивление ливов—убийство ими в 1198 г. епископа Бертольда, возглавлявшего завоевание Прибалтики,—вызвало новый поход крестоносцев против ливов. Особым обращением Иннокентий III призвал немецкое рыцарство к участию в этом походе, а немецких купцов—к его денежной поддержке. Под руководством архиепископа Альберта, преемника Бертольда, крестоносные искатели наживы и приключений напали на Прибалтику в 1200 г.; они укрепились на побережье, основав в 1201 г. Ригу, ставшую столицей архиепископа, и построив ряд укрепленных замков. В 1202 г. Альберт создает с благословения Иннокентия III боевую организацию крестоносных поработителей—военно-монашеский Ливонский орден (по имени Ливонии—средневекового названия территории, занятой современными Латвией и Эстонией), иначе называемый Орденом меченосцев.

Ожесточенное сопротивление эстов, куров, ливов и латышей иноземным захватчикам было сломлено последними лишь после длительной борьбы и жестокой расправы с местными племенами. Прибалтика была окончательно покорена немцами лишь в конце XIII в. К началу XIV в. она была разделена на пять епископских владений и орденские земли. Все эти феодальные государства объединялись рижским архиепископом, от которого они находились в вассальной зависимости и который являлся высшей светской и духов-

---

¹ Маркс, Хронологические выписки, «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 340.

² Там же.

ной властью в крае. Сам архиепископ считался вассалом германского императора и наместником папы.

Пытаясь расширить свои владения, Ливонский орден начал было дальнейшее продвижение на восток. Однако эта попытка окончилась неудачей: в 1242 г. ливонские рыцари были наголову разбиты Александром Невским на льду Чудского (ныне Пейпус) озера; их отдельные попытки в дальнейшем прорваться к русским землям каждый раз терпели неудачу.

В системе феодальных государств Прибалтики Ливонский орден был наиболее крупной политической силой, опиравшейся на свою военную мощь и на экономическую базу, расширявшуюся по мере захвата орденом новых земельных владений. Возникшая между орденом и архиепископом борьба за власть закончилась победой ордена, магистр которого с конца XIV в. фактически стал верховным правителем Ливонии.

Завоевание Прибалтики ускорило разложение общинного строя у местных племен и развитие феодальных отношений в стране. Насаждавшаяся завоевателями ленная система, образование на этой почве дворянского землевладения—сложения вассалов-помещиков, к которому примкнули старейшины и родовые князья племен,—привели в конце концов к закрепощению крестьян. К началу XVI в. крепостное хозяйство уже прочно укоренилось в Латвии. Господствующий класс дворян-землевладельцев возник, главным образом, из среды иноземных завоевателей—немцев, эксплуатируемое же закрепощенное крестьянство являлось исконным населением Прибалтики.

Движение за реформацию в начале XVI в. нанесло последний удар власти католического духовенства—епископов, подорванной в предыдущей борьбе с орденом. Города Прибалтики—Рига, Дерпт, Ревель—первыми примкнули к реформации; ей сочувствовал также и магистр ордена, видевший в ней средство добить архиепископскую власть и превратиться во владетельного герцога всей Ливонии. После некоторых колебаний к реформации склонилось также и дворянство. Католическое духовенство было изгнано из Прибалтики, католические церкви закрыты, а церковное имущество конфисковано. Место католицизма заняло лютеранство.

В 1558 г. в Ливонию вторглись войска Ивана Грозного с целью обеспечить России выход к Балтийскому морю. В 1559 г. московское войско заняло Ригу. Ослабленный дорогой доставшейся ему победой над епископами, Ливон-

ский орден не смог обеспечить сопротивления наступлению России; в связи с этим дворянство и городская знать предпочли отдаться под власть польско-литовского государства. Но не только Польша, но и Швеция и Дания также выступили против захвата Прибалтики Россией. Возникла длительная, так называемая Ливонская, война, продолжавшаяся двадцать пять лет. В конечном счете Россия оказалась не в состоянии выдержать борьбу с образовавшейся против нее коалицией, и в 1582—1583 гг. русские войска очистили Прибалтику.

С происшедшим еще в 1561 г. распадом Ливонского ордена Лифляндия вместе с Ригой и Латгалией отошли к Польше, Курляндия была превращена в особое герцогство, во главе которого стал последний магистр Ливонского ордена Готгард Кетлер, признавший вассальное подчинение Курляндии Польше. Несмотря на то что при переходе Лифляндии под власть Польши польский король Сигизмунд-Август обещал ливонскому дворянству многочисленные привилегии в части управления краем, фактически польское правительство стало проводить в Прибалтике политику ее колонизации—назначение польских чиновников на высшие административные должности, насаждение польского землевладения и т. п. Католическое духовенство, в частности иезуиты, служившие главным орудием польской колонизации, сумело вновь закрепить за собой значительное влияние в политической и хозяйственной жизни края. При всем этом положение крестьянства при польском владычестве еще более ухудшилось, притеснение крестьян немецкими баронами во много раз возросло, так как польское правительство предоставило последним полную свободу эксплуатации принадлежавших им крепостных. Помещики начинают присваивать себе крестьянские земли, растет число обезземеленных крестьян, беднейшее крестьянство бежит в города, где находит убежище у купцов и богатых горожан, нуждающихся в рабочей силе. В связи с этим растут города. В поисках наживы помещики начинают заниматься торгово-промышленной деятельностью, организуют предприятия по переработке продуктов сельского хозяйства, монополизируют помол зерна, охоту, рыболовство, торговлю.

В 1598 г. Лифляндия вместе с остальной Прибалтикой служит ареной польско-шведской войны, подвергается опустошению и после поражения поляков переходит (вместе с Эстонией) к Швеции по Альтмаркенскому миру в 1629 г. Во время войны ливонское дворянство ориентировалось

на Швецию, ожидая со стороны последней восстановления политических привилегий, которые ему были обещаны, но фактически не даны Польшей. Эти надежды, однако, не осуществились. Для Швеции Прибалтика была важна как поставщик хлеба и источник доходов, необходимых шведскому правительству для улучшения государственных финансов, подорванных войной. Для усиления производства зерна и роста денежных поступлений необходимо было восстановить производительность крестьянских хозяйств, резко упавшую в результате присвоения крестьянских земель немецкими баронами и проводившейся последними ничем не ограниченной эксплуатации крепостных. Не собираясь упразднить крепостное право, шведское правительство провело ряд реформ, несколько улучшивших положение крестьянства и, естественно, затронувших интересы местного дворянства (ограничение барщины, запрещение продажи крестьян и т. д.). В конце XVII в. Швеция все более урезывает права сословного самоуправления, предоставленные было ею немецкому дворянству после завоевания Лифляндии, проводит назначение шведских чиновников на руководящие административные и судебные должности, проводит, наконец, ревизию прав баронства на присвоенные им земли с последующим отчуждением значительнейшей части последних в пользу государства. Обострение недовольства среди немецкого дворянства вызвало с его стороны шаги, направленные на вовлечение Польши и России в войну со Швецией. В 1700 г. между последней и Россией возникает так называемая Северная война, продолжавшаяся до 1721 г. и закончившаяся победой русских войск. Уже в 1710 г. Лифляндия, а вместе с ней и Рига были заняты русскими. Вновь испытывавшая все ужасы войны, в корне опустошенная ею, Лифляндия отошла вместе с Эстляндией к России по Ништадтскому миру в 1721 г.

В то время как Лифляндия после распада Ливонского ордена трижды переходила от одного государства к другому, Курляндия просуществовала как самостоятельное государство с 1561 по 1795 г. Фактически самостоятельность этого герцогства была, однако, довольно призрачной. Со второй половины XVI в. и в XVII в. оно находится в вассальной зависимости от Польши, а со времени Северной войны подпадает под влияние России. В 1795 г., после третьего раздела Польши, Курляндия теряет даже видимость независимости, отходит к России и превращается в одну из частей ее прибалтийских провинций. Что касается Латгалии, находившейся под властью Польши с 1561 г.,

то ее переход к России произошел еще в 1772 г., после первого раздела Польши.

Приобретенные Россией латвийские территории образовали в составе империи Лифляндскую и Курляндскую губернии, а частью вошли в Витебскую губернию.

Прибалтийское дворянство стало верной опорой царского самодержавия, восстановившего все прежние права и привилегии помещиков. Реформы шведского правительства, облегчавшие положение крестьянства, были отменены, отобранные у баронов земли были им возвращены. Управление краем было предоставлено дворянским ландтагам. Полностью отданное на произвол баронству, крестьянство подверглось неслыханной эксплуатации и угнетению; обложенное непомерными налогами и податями, вынужденное отрабатывать барщину до шести дней в неделю, оно дошло до крайней степени разорения: голод в деревне стал обычным явлением, крестьянское хозяйство пришло в полный упадок. Избиения крепостных и торговля ими носили массовый характер. С 1765 по 1804 г. в Прибалтике проходит полоса крестьянских восстаний, жестоко подавлявшихся царизмом. Но под влиянием этих восстаний самодержавие, напуганное революционным движением на Западе, было вынуждено пойти на известное ограничение произвола помещиков. Законом 1804 г. и дополняющим его законом 1809 г. помещикам было запрещено продавать крестьян без земли, барщина и оброки были ограничены, крестьянская земля должна была переходить по наследству и более уже не могла присваиваться помещиками, устанавливался твердый, хотя и крайне низкий, минимум заработной платы сельскохозяйственным батракам. Условия существования последних, однако, не изменились: они попрежнему оставались крепостными рабами помещиков; несколько улучшилось в связи с законами 1804 и 1809 гг. лишь положение крестьян-хозяев. Но и эти крайне куцые реформы были встречены дворянством враждебно.

В связи с намечавшимся тогда процессом капиталистического развития Латвии помещичьи имения стали интенсифицировать свое хозяйство: наметился переход к многополью, усилилось животноводство, развивались посевы клевера и картофеля и т. п. Дворянству необходимо было найти возможность расширения своих земель, тогда как закон 1804 г. запрещал присвоение земли крестьян; необходимо было обеспечить достаточный приток рабочей силы для своих новых хозяйственных начинаний. Выход из положения

дворянство нашло в новой аграрной «реформе», проведенной в 1817—1819 гг. под названием «освобождение крестьян». Сущность этой «реформы» состояла в освобождении крестьянства от земли. Объявляя крестьян «свободными», новый закон признавал всю землю исключительно помещичьей собственностью, крестьянское же землепользование могло отныне происходить лишь в форме аренды ими земли у помещиков на условиях «свободного» договора. Для того чтобы «свобода передвижения» крестьян не лишала помещиков стабильной рабочей силы, рядом ограничений и эта «свобода» фактически была уничтожена.

Новая реформа была встречена крестьянством бунтами и восстаниями, жестоко подавленными царизмом и дворянством. В 40-х годах среди доведенных до отчаяния крестьянских масс возникает движение за уход с родины, ставшей им злой мачехой, за переселение в южные края, где, по слухам (поддерживавшимся православным духовенством), правительство отводило свободные земли переселенцам, принявшим православие. Возникший на этой почве массовый переход крестьян в православие и переселение на юг создали серьезную угрозу немецкому дворянству, лишавшемуся рабочих рук, и лютеранской церкви (вновь завоевавшей решающие позиции в крае еще со времени господства Швеции, усиленно насаждавшей протестантство в Прибалтике). Новые формы крестьянского движения были подавлены в порядке военного усмирения якобы «восставших» крестьян; последние, впрочем, в ближайшее же время сами убедились, что переход в «царскую веру» никакого действительного облегчения их участи с собой не несет.

Непрекращавшиеся крестьянские восстания заставили самодержавие вновь вернуться к аграрному вопросу в Прибалтике. На протяжении 1849—1866 гг. царское правительство провело в Прибалтике ряд аграрных мероприятий (право выкупа земли крестьянами, возможность денежной аренды ими участков помещичьей земли и т. д.), которыми воспользовалась, главным образом, зажиточная часть крестьянских хозяйств. Классовая дифференциация среди крестьянства усиливается, растет и укрепляется слой латышского кулачества, в котором баронство и царизм ищут новой опоры для сохранения своего господства. Подавляющее же большинство крестьянства, безземельное и маломощное, было лишено возможности воспользоваться царскими реформами и продолжало бедствовать.

Во второй половине XIX в. Латвия делает быстрые шаги

по пути капиталистического развития. Этому способствовал целый ряд факторов. Выгодное географическое положение Латвии на путях из России в Западную Европу обеспечило латвийским портам все возрастающее участие во внешней торговле России. Высокие таможенные пошлины, которыми царское правительство стремилось обеспечить развитие российской промышленности, вызвали строительство целого ряда промышленных предприятий именно в Прибалтике, наиболее близко расположенной к заграничному сырью, топливу и полуфабрикатам; там же оседал в заметных размерах иностранный капитал, пытавшийся обойти таможенные рогатки строительством на месте предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья и продуктов. Искали себе применения также и свободные капиталы прибалтийского дворянства, создавшиеся в результате продажи части помещичьих земель зажиточному крестьянству. Наличие значительного количества безземельных крестьян создавало широкие кадры дешевой рабочей силы для промышленности, а развернувшееся с 70-х годов XIX в. железнодорожное строительство (Рига—Царицын, Либава—Ромны и др.) открыло для латвийской промышленности обширные рынки сбыта во внутренних губерниях России. В Латвии быстро растет городское население, число промышленных предприятий и кадры промышленного пролетариата в основных промышленных центрах—Риге, Либава, Виндаве. Через эти порты в 80-х годах проходило около 6% импорта и 12% экспорта России, а в начале XX в.—свыше 20% импорта и 22% экспорта. За время 1863—1897 гг. городское население Лифляндской губернии удвоилось и составляло около 28% всего населения при средней по России 12%. Население Риги, составлявшее в 1847 г. 60 тыс., возросло к 1897 г. более чем в 4 раза. Если в 1864 г. в Риге насчитывается лишь 5,8 тыс. рабочих, то к 1900 г. число их возросло почти в 10 раз (56 тыс.). Одновременно протекал процесс концентрации производства. На крупных предприятиях Риги, насчитывавших свыше 500 рабочих каждое, было занято свыше 50% рижского пролетариата.

Несмотря на рост кулацкого землевладения в результате аграрных реформ второй половины XIX в. (к 1905 г. кулачество владело около 70% всей крестьянской земли), Латвия продолжала оставаться краем крупных дворянских поместий. В 1905 г. в руках крестьянства было сосредоточено лишь 39% всех земель; прочие земли принадлежали дворянам (48%), лютеранскому духовенству, казне и т. п. Среди

дворянских имений преобладали крупные латифундии со средней площадью 2—3 тыс. га; некоторые дворяне владели поместьями в 50—70 тыс. га; многим дворянским семьям принадлежало сразу по нескольку поместий. Небольшая кучка баронов, сосредоточившая в своих руках огромные земельные владения, продолжала оставаться в крае также и решающей политической силой, долгое время державшей в своих руках органы «самоуправления» (ландтаги), подчиненные последним судебные, полицейские, культурно-просветительные учреждения, лютеранское духовенство и т. п. Лишь в 80-х годах царское правительство стало решительнее на путь ограничения административной власти баронов, насадив русских чиновников в органы управления, суды и полицию; феодальные привилегии баронства царизм, однако, не затронул и тем самым сохранил за ним его экономические позиции.

К 60-м годам относится начало латышского национального движения, возникшего на почве экономического роста латышской мелкой и средней буржуазии как в городе, так и в деревне. В своей начальной форме, в форме так называемого «младолатышского движения», оно выдвигало требования, сводившиеся лишь к некоторому ослаблению экономического и национального гнета помещиков-баронов,—уничтожения привилегий последних, расширения прав крестьянского самоуправления, введения латышского языка в школах и учреждениях, мероприятий по подъему национальной культуры и т. п. Это движение, вначале прогрессивное и встреченное в штыки дворянством и царизмом, в дальнейшем, по мере углубления классовой дифференциации среди латышского народа, переродилось и приняло реакционно-националистический характер.

Впоследствии латышские националисты стали верными помощниками царизма и дворянства в их борьбе с революционным движением латышских народных масс. Возглавив последнее, латышский пролетариат превратился одновременно и в носителя национально-освободительных чаяний латышского народа. Рост демократических настроений в латышской интеллигенции, наблюдавшийся в конце XIX в., выявил в последней группу так называемого «нового течения», выступившую против реакционной политики латышских националистов. Эта группа начинает вести работу в рабочих кружках и становится первым пропагандистом марксизма в Латвии. В 1897 г. группа была разгромлена царским правительством.

«Первые рабочие кружки в Латвии возникли в Риге и Либаве в 90-х годах. Их участники руководят первыми рабочими забастовками в Риге в 1896 г. После некоторого затишья, связанного с разгромом группы «нового течения», рабочее движение вновь усиливается с 1899 г., когда в Латвии происходит ряд забастовок и демонстраций, связанных с репрессиями против бастующих. Ближайшие годы выдвинули назревшую необходимость создания крепкой объединенной пролетарской организации. В 1904 г. путем объединения возникших за 1900—1903 гг. местных социал-демократических организаций была основана Латвийская социал-демократическая рабочая партия.

Условия исторического развития Латвии создали предпосылки, при которых буржуазно-демократическая революция 1905 г. протекала в Латвии в особенно бурных формах, а латышский пролетариат занял, по оценке Ленина, одно из первых, наиболее важных, мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя. Более быстрое, чем в других частях Российской империи, развитие капитализма создало в городах Прибалтики значительные кадры промышленного пролетариата, стоявшего на высоком уровне культурного и политического развития. Сложившиеся в Прибалтике аграрные отношения обеспечили образование в деревне армии безземельных батраков, проникнутой вместе со всем беднейшим и закабаленным крестьянством жгучей ненавистью к своему вековому угнетателю и эксплуататору—баронству.

В той, по выражению Ленина, «тюрьме народов», которую представляла собой царская Россия, трудящиеся нерусских национальностей находились в особо тяжелых условиях. «Царизм, помещики, капиталисты душили целый ряд окраинных народов—Латвию, Финляндию и т. д. Они вызвали здесь ненависть вековым угнетением»¹.

Рабочие и крестьяне Латвии находились в то время под тройным гнетом: гнетом царизма, гнетом своих помещиков, главным образом немецких баронов, и своей буржуазии и под гнетом иностранного капитала.

Играя руководящую роль авангарда в наступлении на абсолютизм, рабочий класс Латвии «втянул в великую революционную борьбу против царизма и помещиков латышский сельскохозяйственный пролетариат и латышское крестьянство»².

---

¹ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 53.

² Там же, т. XIV, стр. 340.

Революционные события в Латвии развернулись немедленно после петербургского расстрела рабочих 9 января 1905 г. Борьба рабочих в городах—стачки протеста, политические демонстрации и забастовки—быстро перекинулась в деревню; крестьянство выступило с петициями, требовавшими отмены помещичьих привилегий, уравнивания в правах с другими сословиями и пр. В дальнейшем возникли забастовки сельскохозяйственных рабочих, участились столкновения крестьян с полицией. Своего наивысшего напряжения революционная борьба достигла осенью 1905 г., когда всю Латвию охватила всеобщая забастовка, начавшаяся в Риге 15 октября. После царского манифеста 17 октября политическая активность масс приобрела чрезвычайно широкий размах, по всему краю прокатилась волна грандиозных демонстраций, впервые в Латвии возникли профсоюзы рабочих, развернулась деятельность революционных организаций, в деревне стихийно возникли новые пролетарские органы власти, помещики изгонялись из своих поместий. Революционное движение в Латвии приобрело исключительно широкий размах, поднявшись в конце ноября и начале декабря 1905 г. «на наивысшую ступень, то-есть на ступень восстания»¹, однако революция в то время все же не победила. Движению масс не соответствовала их организация. Революционная борьба города и деревни не была возглавлена единым централизованным руководством.

Вожди латышской социал-демократии, стоявшей на позициях меньшевизма и выступавшие против конфискации и раздела помещичьих имений, лишали крестьянство правильной политической перспективы и ослабляли его революционную борьбу. Вместо использования революционной активности масс и организации вооруженного восстания оппортунистическое социал-демократическое руководство проявило в этом вопросе нерешительность и колебания и дало возможность царизму собраться с силами, чтобы подавить революцию в Прибалтике.

Карательные отряды царского правительства и активно помогавшее им баронство залили Латвию кровью латышского народа, затянув расправу до 1908 г.

В. И. Ленин дал высокую оценку революционной борьбе латышского пролетариата в 1905 г.: «Во время революции латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее важных мест в борьбе

---

¹ Ленин, Соч., т. XIV, стр. 340.

против самодержавия и всех сил старого строя. Не безынтересно, между прочим, отметить, что... Лифляндская губерния стоит на первом месте по настойчивости пролетарской стачечной борьбы»¹. Сопоставляя официальную статистику стачек по Лифляндской и прочим губерниям царской России, Ленин делал такой вывод: «Из этого видно, насколько сознательнее, единодушнее и революционнее выступал латышский пролетариат. Но известно также, что его руководящая роль авангарда в наступлении на абсолютизм не сграничивалась забастовочной борьбой: он шел в авангарде вооруженного восстания, он больше всех содействовал поднятию движения на наивысшую ступень, то-есть на ступень восстания. Он больше, чем кто-либо другой, втянул в великую революционную борьбу против царизма и помещиков латышский сельско-хозяйственный пролетариат и латышское крестьянство»².

Послеревolutionные годы реакции являются вместе с тем годами дальнейшего быстрого роста капитализма в Латвии, быстрого роста латвийской промышленности, усиления в ней процесса концентрации, интенсификации сельского хозяйства, укрепления в нем кулачества, дальнейшего расслоения на селе, общего углубления классовых противоречий в городе и деревне. Городское население составляло в Латвии к 1914 г. свыше 40%, число рабочих возросло до 108 тыс. в 1913 г., в среднем на одно предприятие вместо 50 рабочих в 1897 г. приходилось 144 в 1913 г. Опираясь на свое географическое положение, Латвия превратилась в одну из наиболее развитых в промышленном отношении областей России, ее промышленность, перерабатывавшая, главным образом, заграничное сырье, зависела преимущественно от сбыта изделий на внутренние рынки. Важнейшие отрасли латвийской промышленности—машиностроение, резиновое производство—сбывали около 90% своей продукции на внутренние рынки России, в среднем же на эти рынки вывозилось 63% продукции всей латвийской промышленности. Транзитное значение латвийских портов для внешней торговли России еще более усиливается: в 1913 г. через них прошло до 28% русского экспорта и 20% импорта.

Интенсификация сельского хозяйства сопровождалась усилением в нем животноводства и технических культур, ростом

---

¹ Ленин, Соч., т. XIV, стр. 339.

² Там же, стр. 339—340.

применения сельскохозяйственных машин в земледелии. Особенно заметно эти процессы протекали в кулацких хозяйствах, помещики же, напуганные революционными событиями 1905 г., не решались вкладывать значительные средства в переустройство своих имений, переходили к хищническим формам хозяйствования, закладывали свои поместья и предпочитали жить вне деревни. Кулачество—«серые бароны»—становилось все более заметной экономической силой в деревне; параллельно этому усиливалась эксплуатация батраков и ширилось обеднение маломощного крестьянства. Удельный вес мелких и бедняцких хозяйств в общей сумме крестьянских хозяйств возрос с 18,3% в 1905 г. до 53,8% в 1914 г.

Новый подъем рабочего движения начался в Латвии уже с 1910 г., особенно заметен он стал с 1912 г., после Ленского расстрела, а в 1913 и 1914 гг. экономические и политические забастовки принимают массовый характер. Подымающаяся волна новой революции была, однако, задержана первой мировой империалистической войной, разразившейся осенью 1914 г. Латвии пришлось быть ареной военных действий на протяжении почти всей войны, в связи с чем ее население испытало огромные бедствия, а ее хозяйство оказалось в состоянии полной разрухи. Военная угроза, нависшая над Ригой летом 1915 г., обусловила массовую эвакуацию промышленного оборудования из нее и из прочих городов Латвии во внутренние области России. Вместе с фабриками эвакуировались из Латвии и их рабочие и служащие (всего около 100 тыс.). Свыше 500 тыс. беженцев ушло из Латвии вместе с отступавшими русскими войсками.

Тогда как значительная часть немецкого дворянства ориентировалась в разразившейся империалистической борьбе на присоединение к Германии, латышская буржуазия, стремясь к ограничению прав баронства и укреплению своих позиций, стала на сторону русского самодержавия. Ей удалось даже вызвать на первых порах волну патриотизма среди широких масс населения, рассматривавших борьбу с Германией как продолжение своей вековой борьбы с извечными угнетателями—немецкими дворянами-помещиками. Однако под влиянием тяжелых уроков войны эти патриотические настроения быстро рассеялись. Немцы оккупировали Курляндию уже в первый период войны; занимая ее в течение четырех лет, они проектировали присоединение ее к Германии и усиленное заселение германскими колонистами. Впоследствии тяжесть войны и иго германской оккупации пришлось перенести и другим частям Латвии: в августе 1917 г. немцы заняли

Ригу, а затем и всю западную часть Лифляндской губернии. Война произвела в Латвии огромные опустошения: промышленность почти бездействовала, посевные площади и поголовье скота резко сократились, население уменьшилось почти вдвое.

В связи с оккупацией Курляндии буржуазно-демократическая революция 1917 г. протекала в Латвии в рамках, главным образом, Лифляндской губернии. В результате свержения царизма, в Латвии, так же как и на прочих национальных окраинах царской России, развернулось буржуазно-освободительное движение, стремившееся к образованию национального государства под властью латышской буржуазии.

«Естественно, что поскольку «общенациональные» институты на окраинах проявляли тенденцию к государственной самостоятельности, они встречали непреодолимое противодействие со стороны империалистического правительства России. Поскольку же они, утверждая власть национальной буржуазии, оставались глухи к коренным интересам «своих» рабочих и крестьян, они вызывали среди последних ропот и недовольство»¹.

Латышский пролетариат и беднейшее крестьянство, охваченные революционным подъемом, с первых же дней революции организуются в Советы рабочих, солдатских и батрацких депутатов и идут за большевиками.

«...Кроме «национальных» правительств, на окраинах существуют еще национальные рабочие и крестьяне. Организованные в свои революционные совдепы по образцу совдепов в центре России еще до Октябрьского переворота, они никогда не разрывали связей со своими братьями на севере. Они также добивались победы над буржуазией, они также боролись за торжество социализма. Неудивительно, что их конфликт со «своими» национальными правительствами нарастал день за днем»².

Движение за переход власти к Советам охватывает революционизирующиеся массы, и после победы в России Великой Октябрьской Социалистической революции в Латвии, также устанавливается власть Советов.

Советская власть не смогла, однако, надолго удержаться в Латвии; стремясь подавить тогда еще лишь назревавшую

---

¹ Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, Политиздат, 1939, стр. 70.

² Там же, стр. 73.

пролетарскую революцию, контрреволюционное верховное командование сдало Ригу германским войскам еще в августе 1917 г. С возобновлением германского наступления в конце февраля 1918 г., после разрыва брестских переговоров, немцы заняли всю территорию Латвии. Германская оккупация обеспечила немецким баронам возвращение в Латвию и захват конфискованных у них земель. Германские военные власти и баронство организовали жестокую расправу над революционерами и народными массами. В то же время все имевшиеся в Латвии продовольственные ресурсы безжалостно выкачивались оккупантами и вывозились в Германию. Рабочие и беднейшее крестьянство голодали. Однако «германские империалисты не могли задушить, социалистической революции. Подавление революции в красной Латвии, Финляндии и на Украине стоило Германии разложения армии. Поражение Германии на Западном фронте было вызвано в значительной степени тем, что старой армии в Германии уже не существует»¹.

Поражение Германии в империалистической войне и вспыхнувшая германская революция дали новый толчок революционному движению в Латвии. Со своей стороны латвийская буржуазия, ожидая ухода германских войск, сделала попытку закрепления своей власти и поспешила сформировать с помощью оккупантов так называемый «Вселатвийский национальный совет», провозгласивший 18 ноября 1918 г. независимость буржуазной Латвии. Однако революционная власть быстро смела власть буржуазии. В середине декабря 1918 г. в Латвии образовалось временное советское правительство. Манифестом 17 декабря оно объявило Латвию независимой советской республикой, официально признанной 22 декабря правительством РСФСР. В результате наступления латышских красных полков Рига была занята ими 3 января 1919 г., а к концу января почти вся Латвия была советской. Лишь Либава и ее окрестности были еще заняты германской дивизией генерала фон-дер-Гольца.

Буржуазное правительство, бежавшее в Либаву, стало искать помощи, с одной стороны, у Германии, с другой — у Англии и Франции. С помощью Германии организовалась вербовка немецких добровольцев, главным образом, из демобилизованных офицеров и солдат, в создаваемую буржуазией контрреволюционную «северную армию». Англия со своей стороны начала снабжать армию буржуазного правитель-

---

¹ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 197.

ства оружием и военным снаряжением, решив использовать силы побежденной Германии для борьбы с большевиками.

«...Именно Антанта руководит всеми белогвардейскими движениями на окраинах...»,—говорил в то время В. И. Ленин и указывал на то, что мирное соглашение с немцами для советского правительства невозможно уже потому, что «Франция, Англия и Америка требуют от немцев, чтобы они оставались в Курляндии и продолжали войну...»¹

Советская Латвия оказалась в тяжелом положении. Характеризуя его в своей речи на пленуме Московского совета 3 апреля 1919 г., В. И. Ленин отмечал: «Большая часть страны переживала такие бедствия, о которых московские рабочие не имеют представления,—бедствия нашествия и многократного опустошения деревень движущимися толпами войск. Теперь немцы идут на Двинск, чтобы отрезать Ригу. С севера им помогают эстонские белогвардейцы на деньги, которые посылает Англия, при помощи добровольцев, которых посылают шведы и датчане, насквозь подкупленные миллиардерами Англии, Франции и Америки. Они действуют по совершенно ясному для нас общему плану, пользуясь тем, что в Германии они кровавыми подавлениями ослабили движение спартаковцев и революционеров. И хотя они чувствуют, что дышат на ладан, они все же сочли момент достаточно удобным для использования, для того, чтобы предоставить Гинденбургу часть войск и усилить натиск с запада на истерзанную, измученную Латвию и угрожать нам»².

Советское правительство стояло у власти в Латвии с января по май 1919 г. За эти пять месяцев им была проведена громадная работа. С изгнанием из Латвии баронов-помещиков, с конфискацией их имений, с освобождением страны от ига оккупантов Латвия впервые при советской власти обрела национальную свободу и независимость. Однако советское правительство Латвии и ее коммунистическая партия допустили тогда ряд крупных ошибок: отказ от раздела конфискованных помещичьих имений среди беднейших и безземельных крестьян, стремление к немедленному уничтожению мелкого и среднего землевладения, ставку на крупные совхозы и сельскохозяйственные коммуны и т. д. Эта политика изолировала пролетариат от трудящегося крестьянства и объективно содействовала его поражению при новом наступлении германских войск. Дивизия фон-дер-Гольца, пополнен-

---

¹ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 260.

² Там же, стр. 208.

ная белогвардейскими частями, в марте 1919 г. начала новое наступление против советских войск и 22 мая заняла Ригу. Советское правительство Латвии было вынуждено оставить территорию Латвии, где после этого вновь воцарились дикий террор и расправа карательных отрядов с рабочими и крестьянами.

После поражения советской власти в Латвии Антанта сочла выполненной миссию германских войск и в июне 1919 г. потребовала от германского правительства их увода из Латвии. Однако Германия не сразу отказалась от своих притязаний в Прибалтике, и германские оккупационные войска покинули Латвию лишь в конце 1919 г., после разгрома фон-дер-Гольца белолатышскими и белоэстонскими войсками, поддержанными Антантой. Сформированное латышской буржуазией правительство к концу 1919 г. распространило свою власть на всю территорию Латвии.

Убедившись в провале попытки бороться с Советской Россией собственными армиями, Антанта пыталась продолжать эту борьбу силами малых государств, окружавших СССР. «Все способы давления, финансового, продовольственного, военного, были пущены в ход, чтобы заставить Эстляндию, Финляндию и, несомненно, также Латвию, Литву и Польшу, заставить весь этот цикл государств идти против нас. История последнего похода Юденича на Петроград показала окончательно, что этот второй метод ведения войны Антантой сорвался»¹.

Всячески используя прибалтийские страны для борьбы с советским правительством, играя при этом на стремлении национальной буржуазии этих стран добиться самостоятельности, Антанта вовсе не считала для себя обязательным обеспечить их действительную независимость. Поддерживая Колчака и вырабатывая в 1919 г. условия для его признания, руководители Антанты готовы были пожертвовать независимостью как Латвии, так и Эстонии, Литвы и Финляндии. Таким образом, судьба этих стран была в руках Англии и Франции лишь разменной монетой при организации ими планов удушения Советской России. Именно поэтому Антанта не торопилась с формальным признанием новых национальных государств, фактически возникших на берегах Прибалтики. Естественно, что эти государства стали искать путей сближения с единственной страной, которая не угрожала

---

¹ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 562.

ни их независимости, ни их национальному существованию, ни их культуре.

Еще в декабре 1919 г., на Всероссийской конференции РКП(б), В. И. Ленин говорил: «Каждая из этих маленьких стран уже испытала на себе лапы Антанты. Они знают, что когда французские, американские и английские капиталисты говорят: «Мы вам гарантируем независимость»—это на практике значит: «Мы у вас скупаем все источники ваших богатств и держим вас в кабале. Кроме того, мы вас третируем с наглостью офицера, который приехал в чужую страну управлять и спекулировать и ни с кем не желает считаться». Они знают, что сплошь и рядом английский посол в такой стране значит больше, чем любой тамошний царь или парламент. И если этих истин мелко-буржуазные демократы до сих пор понять не могли, то теперь действительность заставляет их это понять. Оказывается, что по отношению к буржуазным и мелко-буржуазным элементам маленьких стран, которых грабят империалисты, мы представляем из себя если не союзников, то соседей более надежных и ценных, чем империалисты»¹.

1 февраля 1920 г. между РСФСР и Латвией было заключено перемирие, а в дальнейшем начались переговоры о заключении мирного договора. 11 августа 1920 г. этот мирный договор был подписан. Официальное признание Латвии Англией и Францией последовало значительно позже—только через пять с половиной месяцев—26 января 1921 г., после длительных колебаний с их стороны.

Таким образом, как самостоятельное государство Латвия возникла лишь после победы Великой Октябрьской Социалистической революции, освободившей все народы царской России. Страна Советов первой признала независимость Латвии, исходя из своей последовательно проводимой ленинско-сталинской национальной политики, обеспечивающей каждому народу право на самостоятельное и независимое существование.

IV. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛАТВИИ С СССР И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ

Самостоятельная буржуазная Латвия сразу столкнулась с чрезвычайно сложными для нее политическими и хозяйственными проблемами. Вся экономическая структура Лат-

---

¹ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 563.

вии и исторически сложившиеся в ней соотношения между отдельными отраслями хозяйства были обусловлены ее прежним положением в хозяйственной системе России и определяли ее экономическое тяготение к последней. Однако латвийская буржуазия, политически ориентировавшаяся в то время на страны Антанты, делала ставку не на укрепление и расширение своих экономических отношений с СССР, а на сближение с западными империалистическими державами. Отсюда возникала основная и важнейшая для Латвии того времени проблема путей ее дальнейшего хозяйственного развития. Среди пришедшей к власти национальной буржуазии виднейшую роль играло кулачество, политическая партия которого—Крестьянский союз—возглавила первое буржуазное правительство Латвии. Понятно поэтому, что буржуазия прежде всего поспешила укрепить свое политическое господство в стране земельной реформой, превратившей кулачество в решающую силу латвийской деревни. Соответствующий земельный закон был принят Учредительным собранием Латвии 16 сентября 1920 г., т. е. задолго до утверждения собранием основного закона страны—ее конституции.

Дальнейший путь хозяйственного развития Латвии представлялся кулачеству как путь ее превращения, по примеру Дании, в страну передового, высоко развитого сельского хозяйства с животноводческим направлением. По существу это значило превратить Латвию в аграрный придаток промышленно развитых капиталистических стран, т. е. толкнуть на путь, которого добивались империалистические «покровители» Латвии. Эта тенденция—политика так называемой «данизации»—соответствовала также тому исключительно тяжелому и бесперспективному положению, в котором оказалась латвийская промышленность.

Полуразрушенная, лишенная наиболее ценного оборудования, промышленность Латвии требовала для своего восстановления значительных капиталов. Латвийская буржуазия такими капиталами сама не располагала; в то же время Латвия не могла рассчитывать в этом отношении и на крупные иностранные инвестиции, поскольку империалистические державы были заинтересованы в сохранении ее как рынка сбыта для своей индустрии. С другой стороны, крайне неблагоприятно складывалась для латвийской промышленности проблема сбыта ее собственных изделий. Отрезанная от своих прежних, основных для нее, рынков внутренней России, промышленность Латвии не имела серьезных перспектив и на новых для нее рынках Западной Европы, так как не

была в состоянии конкурировать с промышленно развитыми капиталистическими странами. Оставался внутренний рынок, но его небольшая емкость, ограниченная вдобавок слабой покупательной способностью латвийских трудящихся масс, не создавала перспектив для промышленного развития Латвии.

Для латвийских портов, игравших прежде столь крупную роль в экономике Латвии, также складывалось мало благоприятное положение. После заключения мирного договора с Советским Союзом через Латвию начала проходить транзитом часть грузов СССР по его внешней торговле с Западной Европой, однако по мере реконструкции советских портов транзитные операции СССР в Латвии должны были заметно сократиться (что фактически и произошло в дальнейшем). Таким образом, из страны аграрно-промышленной и торговой, какой буржуазная Латвия была до первой мировой империалистической войны, она должна была превратиться и фактически превратилась в страну чисто аграрную.

Формально империалистические державы признали политическую независимость Латвии, но в то же время методами политического и экономического давления они поставили ее экономику в полностью зависимое от них положение. Латвия стала для них не только источником снабжения сельскохозяйственными продуктами и сырьем; всеми мерами они расширяли торговую экспансию своей промышленности на латвийском рынке и использовали Латвию как одну из сфер приложения своих капиталов. Последние начали притекать в Латвию после частичной стабилизации ее хозяйственной жизни, наметившейся с 1923 г.; постепенно иностранный капитал стал захватывать основные хозяйственные позиции в стране. Уже в 1925 г. 50% общей суммы акционерного капитала Латвии принадлежало иностранцам. Впоследствии, вплоть до мирового экономического кризиса 1929 г., происходит как абсолютный, так и относительный рост иностранных капиталовложений. В 1929 г. общая сумма иностранных средств в акционерных обществах составляла 176,7 млн. лат. В кризисные и последующие годы происходит некоторый отлив иностранных капиталов из народного хозяйства Латвии. В определенной степени этот отлив был связан с проведенной правительством в 1935 г. ликвидацией ряда более мелких банков и организацией вместо них более крупных (с капиталом государства), а также с переходом в ведение государства ряда промышленных предприятий. При всем этом и в 1936 г. удельный вес иностранных инвестиций в акционерном капитале

составлял 40,9%. Наиболее высок их удельный вес в акционированной, т. е. наиболее крупной, промышленности. Германские (27%), британские (21,5%) и шведские (18%) капиталы играют основную роль в этих инвестициях, составляя в совокупности 47,4 млн. лат из общей суммы в 71,9 млн. лат иностранных средств, инвестированных в 1936 г. в акционерные общества Латвии. Фактическая зависимость латвийского хозяйства от иностранного капитала еще выше, так как, помимо прямой от него зависимости, акционерные общества обременены значительной задолженностью за границе по текущему кредитованию. В том же 1936 г. иностранная задолженность акционерных промышленных обществ составляла свыше 50 млн. лат, т. е. почти равнялась сумме прямых иностранных инвестиций в промышленность.

Отношение империалистических держав к Латвии за все время ее самостоятельного существования определялось их планами окружения и борьбы с Советским Союзом. Латвия согласно этим планам должна была служить плацдармом для развертывания интервенции против СССР. В то же время империалисты всячески пытались втянуть ее в сколачивавшийся ими единый антисоветский блок из граничащих с Советским Союзом буржуазных государств. Мысль о создании антисоветского блока прибалтийских стран с участием и под руководством Польши неизменно лелеялась английскими и французскими империалистами, и непосредственные попытки организации такого блока многократно предпринимались Англией и Францией. Правящие круги бывшей панской Польши и ее пресловутый министр иностранных дел Бек еще в самое последнее время носились с «идеей» организации «блока стран от Балтийского до Черного моря». Известная часть латвийской буржуазии была одно время склонна поддаться на посулы различного рода политических картежников, но в то же время она понимала, какие опасности для Латвии несет с собой такого рода внешнеполитический поворот. Латвийская буржуазия учитывала, что панская Польша, предлагавшая ей военный союз против СССР, сама мечтала о поглощении прибалтийских стран, о восстановлении своих границ 1772 г. В частности, когда СССР предложил Польше в 1933 г. совместную декларацию о гарантировании неприкосновенности и территориальной целостности прибалтийских государств, Польша отклонила это предложение.

В противовес авантюристическим проискам англо-французского и польского империализма политика Советского Союза в отношении Латвии всегда определялась твердым

и последовательным признанием права всех народов на самоопределение. Основываясь на этом основном принципе ленинско-сталинской национальной политики, СССР первым признал независимость Латвии и 11 августа 1920 г. заключил с ней мирный договор. Советско-латвийский мирный договор имел огромное политическое значение прежде всего для самой Латвии: он положил начало международному признанию ее как самостоятельного государства. Мирный договор лег в основу дальнейших политических и договорно-экономических взаимоотношений СССР с Латвией.

Вся последующая политика СССР по отношению к Латвии основывалась на неизменном признании ее государственной независимости и на стремлении укрепить с ней дружественные связи. Неудивительно, что широкие массы Латвии всегда признавали единственным путем, способным оградить их от потери национальной независимости и полного порабощения империалистическими странами, путь тесного сотрудничества и союза со своим великим восточным соседом, последовательно проводившим политику мира и защиты свободы малых народов.

Внешнеполитические колебания латвийской буржуазии одно время наложили свой отпечаток на советско-латвийские отношения, в особенности в первые годы существования самостоятельной Латвии. Вслед за заключением мирного договора 1920 г. возобновляются и торговые отношения между Латвией и СССР. Латвия извлекала из этих отношений немало выгод, в особенности от значительного транзита по латвийским железным дорогам и через латвийские порты советского леса, льна, масла, яиц и прочих товаров, экспортировавшихся в Западную Европу. Несмотря на это, первый советско-латвийский торговый договор был заключен лишь в 1927 г., хотя статья 17 мирного договора 1920 г. отмечала согласие сторон заключить торговое соглашение возможно скорее. Империалистические державы приложили все усилия, чтобы сорвать намечавшееся тогда сближение Латвии с СССР, не остановившись для того перед организацией, хотя и неудавшегося, военного путча в Валмере в 1927 г.

Все эти попытки не достигли, однако, цели: слишком тяжело было положение латвийского хозяйства, слишком остро чувствовала латвийская промышленность необходимость в расширении рынков сбыта своей продукции. Заключенный в 1927 г. советско-латвийский торговый договор имел большое значение для обеих стран и оказал на хозяйство Латвии весьма благотворное влияние. Значительно возросли все

выгодные для Латвии советские транзитные операции, усилился сплав советского леса по Даугаве на Ригу, экспорт латвийских товаров в СССР вырос в несколько раз, латвийская промышленность расширила свое производство и несколько тысяч рабочих получило работу благодаря советским заказам.

Оценивая результаты торгового договора, латвийские источники отмечают, что Латвии «удалось сразу не только выровнять торговый баланс с договорным государством, но и сразу превратить его из резко пассивного в определенно активный». Одновременно отмечалось, что торговые договоры с другими странами, в частности с Польшей, «показывают, что преимущества из этих соглашений извлекаются, главным образом, контрагентами Латвии»¹.

Политика жесткого ограничения импорта, которую начало проводить латвийское правительство с 1931 г. под влиянием ударов экономического кризиса, затруднила размещение советских товаров в Латвии и тем самым подорвала еще действовавший в то время торговый договор. Срок последнего истек в 1932 г. К этому времени советско-латвийские торговые отношения заметно ослабели и еще более сузились в 1933 г. Известные круги латвийской буржуазии, идя на поводу империалистических держав, стремившихся и в это время сорвать нормальные взаимоотношения Латвии с СССР, повели кампанию против возобновления торгового договора. Тем не менее соглашение о последнем было достигнуто, и 4 декабря 1933 г. был заключен новый советско-латвийский торговый договор, действующий и поныне. Одновременно с этим соглашением СССР и Латвия заключили особое хозяйственное соглашение, определившее конкретные рамки и формы торговых операций между обеими странами.

Торговый договор и хозяйственное соглашение 1933 г. обусловили рост торговых оборотов между СССР и Латвией, неизменно продолжавшийся до самого последнего времени.

Последовательно проводя политику укрепления всеобщего мира, Советский Союз придавал большое значение вовлечению прибалтийских стран, в том числе и Латвии, в систему коллективной безопасности, способной обеспечить мир в Восточной Европе. Рост политической и хозяйственной мощи Советского Союза обусловил благоприятное отношение правящих кругов Латвии к инициативе СССР. В феврале 1929 г.

---

¹ И. Маркон, Народное хозяйство и финансы Латвии, Рига 1930, стр. 135.

Латвия, по предложению СССР, подписала вместе с другими прибалтийскими государствами соглашение о досрочном введении в действие пакта Келлога, предусматривавшего от каз государств от использования войны как орудия между народной политики. Важным этапом в развитии между обеими странами дальнейших взаимоотношений, направленных на укрепление мира и дружбы между народами, было заключение 5 февраля 1932 г. советско-латвийского пакта о ненападении, досрочно продленного 4 мая 1934 г. еще на десять лет, т. е. до 1945 г.

Так складывались советско-латвийские отношения на протяжении девятнадцати лет сосуществования обеих стран. Наблюдавшиеся на отдельных этапах колебания внешнеполитической ориентации некоторых групп латвийской буржуазии не меняли основного фона неизменно дружественных связей обеих стран, основанных на взаимном признании государственной независимости и невмешательства во внутренние дела друг друга. Новый этап в этих взаимоотношениях начался с октября 1939 г. В сентябре и октябре 1939 г. произошли коренные, исторической важности, изменения в международной обстановке. Эти изменения были вызваны: 1) сближением и установлением дружественных отношений между СССР и Германией; крутой поворот в отношениях двух самых крупных государств Европы нашел свое отражение в советско-германском договоре о ненападении 23 августа 1939 г. и в заключенном 28 сентября 1939 г. договоре о дружбе и границе между Советским Союзом и Германией; 2) военным разгромом Польши и распадом польского государства в сентябре 1939 г.; 3) вспыхнувшей в Европе империалистической войной между Германией, с одной стороны, Англией и Францией—с другой. При этом англо-французские провокаторы войны стремятся втянуть в борьбу за укрепление своего мирового господства все страны, которые могут быть ими использованы для этого в той или иной мере, и не останавливаются при этом перед превращением войны европейской в войну мировую. Уже в самые первые дни войны были нарушены нормальные торговые связи между всеми странами, в том числе и между странами, еще не втянутыми в войну.

Сложилась, таким образом, совершенно новая международная ситуация. Коренным образом изменилась политическая и хозяйственная обстановка в Прибалтике. Народы прибалтийских стран, оказавшиеся перед реальной опасностью стать игрушкой в руках политических шулеров

и быть втянутыми их усилиями в бессмысленную бойню за интересы империалистических акул, ясно понимали, что только СССР, никогда не питавший захватнических замыслов, предоставивший им независимость и всегда ее уважавший, может обеспечить их безопасность и дальнейшее независимое существование. Вся история отношений прибалтийских государств с империалистическими державами, начиная с 1919 г., когда Антанта собиралась пожертвовать Прибалтику Колчаку, и кончая 1939 г., когда Англия и Франция во время переговоров в Москве о мерах предотвращения надвигавшейся европейской войны фактически отказались гарантировать безопасность прибалтийских стран, убедительно доказала последним, что империалисты всегда стремились использовать их лишь в своих корыстных интересах. Наоборот, вся история отношений тех же стран с Советским Союзом наглядно убеждала их в неизменном стремлении СССР к действительной защите интересов малых народностей.

Реально учитывая сложившиеся обстоятельства, потеряв навсегда надежду отыскать какие-либо «гарантии» своего мирного существования и безопасности в стане империалистов и проникшись доверием к великой стране социализма, Эстония первая из прибалтийских государств стала на путь тесного содружества с СССР. Советско-эстонский пакт о взаимопомощи, заключенный 28 сентября 1939 г., серьезно изменил положение в Прибалтике и обеспечил Эстонии мир всей мощью Советского Союза.

Взвесив создавшееся положение, латвийское правительство также решило пересмотреть линию своей внешней политики и 5 октября 1939 г. в свою очередь заключило с СССР пакт о взаимопомощи, аналогичный советско-эстонскому и последовавшему затем советско-литовскому. «Принципиальная основа этих пактов одинаковая. Они основаны на взаимопомощи между Советским Союзом,— с одной стороны, Эстонией, Латвией и Литвой,— с другой стороны, включая и военную помощь друг другу, в случае нападения на кого-либо из них. Ввиду особого географического положения этих стран, являющихся своего рода подступами к СССР, особенно со стороны Балтийского моря, эти пакты предоставляют Советскому Союзу возможность иметь военно-морские базы и аэродромы в определенных пунктах Эстонии и Латвии, а в отношении Литвы устанавливают совместную с Советским Союзом защиту литовской границы. Создание этих советских военно-морских баз и аэродромов на территории Эстонии, Латвии и Литвы и ввод некоторого количества

красноармейских частей для охраны этих баз и аэродромов обеспечивают надежную опору обороны не только для Советского Союза, но и для самих прибалтийских государств и, тем самым, служат делу сохранения мира, в котором заинтересованы наши народы»¹. Конкретно Латвия предоставила Советскому Союзу возможность иметь военно-морские базы и аэродромы в городах Лиепая и Вентспилсе, а для охраны Ирбенского пролива, служащего входом в Рижский залив, СССР предоставлено право соорудить базу береговой артиллерии на побережье между городами Вентспилсом и Питрагсом. Естественно, что заключенные пакты служат ярким свидетельством взаимного доверия и дружественных отношений, установившихся за долгие годы между СССР и прибалтийскими государствами, и обоюдной заинтересованности сторон в осуществлении предусмотренных пактами военно-оборонительных мер. «Мы спасли себя от вмешательства в германо-польскую войну, мы избегли вмешательства в войну между Германией и великими державами на Западе, мы избегли войны, в которой проливалась бы латвийская кровь и жизнь латышей приносилась бы в жертву за дело, которое не касается нашего государства... Этот пакт с великим народом, заключенный в духе взаимного доверия и доброй воли, дает нам гарантию устранения опасности войны или даже ее предотвращения». Так отразил оценку пакта латвийским народом президент Латвии Ульманис в своей речи 12 октября 1939 г. Таким образом, полностью были опровергнуты измышления англо-французских правящих кругов, будто прибалтийские государства не хотят бороться за мир и безопасность в тесном контакте с Советским Союзом.

Различие государственных систем не оказалось препятствием для плодотворного сотрудничества прибалтийских государств и СССР. Вопреки злостным и клеветническим выдумкам некоторых органов заграничной печати, заключенные пакты не означали какого-либо вмешательства СССР в дела Эстонии, Латвии и Литвы. «Напротив, все эти пакты взаимопомощи твердо оговаривают неприкосновенность суверенитета подписавших их государств и принцип невмешательства в дела другого государства. Эти пакты исходят из взаимного уважения государственной, социальной и экономической структуры другой стороны и должны укрепить основу

---

¹ *Молотов*, О внешней политике Советского Союза, Госполитиздат, 1939, стр. 10—11.

мирного добрососедского сотрудничества между нашими народами. Мы стоим за честное и пунктуальное проведение в жизнь заключенных пактов на условиях полной взаимности и заявляем, что болтовня о советизации прибалтийских стран выгодна только нашим общим врагам и всяким анти-советским провокаторам»¹. Улучшение политических отношений с прибалтийскими странами позволило СССР широко пойти навстречу хозяйственным нуждам этих стран, заключив с ними соответствующие торговые соглашения. Война поставила Латвию, так же как и другие прибалтийские страны, в особо тяжелое положение. Прекратилась ее торговля с Англией и Францией. Прекратилось ее снабжение необходимым сырьем и прочими товарами и из нейтральных стран, поскольку война на море закрыла для Латвии морские пути сообщения с Западной Европой. Латвия потеряла при этом не только возможность импорта, но и важнейшие для нее в прошлом английский, бельгийский, голландский и другие рынки сбыта, чем создавалась угроза тяжелого кризиса для ее сельского и лесного хозяйства, а в связи с их значением в экономике Латвии и для всего ее народного хозяйства. Отсюда понятно, как велико было для Латвии значение торгового соглашения с СССР, заключенного 18 октября 1939 г., непосредственно за пактом о взаимопомощи. Уже в предыдущие годы, вслед за заключением в 1933 г. торгового договора и хозяйственного соглашения, советско-латвийская торговля показала хотя и медленный, но все же непрерывный рост. Новое торговое соглашение 1939 г. предусматривает значительное увеличение советско-латвийского товарооборота с доведением его до 60 млн. лат. Советский Союз предоставил Латвии право транзита товаров по его железнодорожным и водным путям на незамерзающие порты Мурманск и Сороку в Белом море и на порты Черного моря и, тем самым, обеспечил ей возможность свободного выхода на внешние рынки, минуя блокированное войной Балтийское море. Наконец, торговое соглашение предусматривает значительное расширение транзита советских грузов через латвийские гавани. Таким образом, политическое сближение с СССР обеспечило Латвии не только ее безопасность и мирное существование, но и подъем ее сельского хозяйства, промышленности, транспорта, всего ее народного благосостояния в целом.

---

¹ *Молотов, О внешней политике Советского Союза, Госполитиздат, 1939, стр. 11.*

Если до сих пор некоторые великие державы стремились вовлечь прибалтийские государства в орбиту своей империалистической политики и использовать их в качестве орудия борьбы против СССР, то сейчас, после заключения пакта о взаимопомощи, который обязывает СССР и Латвийскую республику не заключать каких-либо союзов и не участвовать в коалициях, направленных против одной из договаривающихся сторон, подобным махинациям врагов Латвии и СССР положен конец.

Новый советско-латвийский пакт о взаимопомощи является логическим продолжением тех миролюбивых начал, которые были заложены в мирном договоре от 11 августа 1920 г. и в договоре о ненападении от 5 февраля 1932 г.

Этот пакт открывает новую страницу во взаимоотношениях между народами СССР и латвийским народом. Отныне латвийский народ знает, что в лице Советского Союза он будет иметь могучего защитника от каких бы то ни было посягательств на независимость Латвийской республики. Со своей стороны народы Советского Союза с чувством огромной радости сознают, что советско-латвийский пакт является дополнительной гарантией безопасности СССР. Нет никакого сомнения, что пакт о взаимопомощи, подписанный 5 октября 1939 г., явится базой для дальнейшего развития политических и экономических взаимоотношений между СССР и Латвийской республикой. Советский Союз и его правительство, руководимое большевистской партией, неуклонно проводят в жизнь ту линию во внешней политике, которая была следующим образом определена товарищем Сталиным на XVIII съезде ВКП(б):

«...Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны.

...Мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами, имеющими с СССР общую границу, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить, прямо или косвенно, интересы целостности и неприкосновенности границ Советского государства»¹.

---

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 574.

IV. НАСЕЛЕНИЕ ЛАТВИИ

По количеству населения (1971 тыс. человек по данным 1938 г.) Латвия—одно из самых малых государств Европы. Превосходя Нидерланды почти в 2 раза по площади, Латвия имеет в 4,5 раза меньше населения. Среди прибалтийских государств Латвия занимает по числу жителей среднее место: превосходя Эстонию с ее 1 131 тыс. жителей, она уступает Литве, насчитывающей (вместе с Виленской областью) около 3 млн. жителей. До настоящего времени Латвия не смогла еще изжить тяжелые последствия первой мировой империалистической войны, вызвавшей большую убыль в населении страны, часть которого погибла в войне и от эпидемий, часть была эвакуирована (вместе с промышленностью) в Россию или бежала туда же от наступавшего врага. В 1897 г. в пределах современной Латвии проживало 1 929 тыс. человек, в 1914 г.—2 552 тыс., в 1920 г. население уменьшилось почти на 40%, до 1 596 тыс. Как видно, и в 1938 г. население Латвии едва достигало 80% довоенной численности.

Восстановление численности населения крайне замедляется систематическим снижением рождаемости, связанным с тяжелыми условиями существования латвийских трудящихся масс. Отсюда падение и естественного прироста населения: тогда как в 1920—1925 гг. последний составлял 73 человека на 10 тыс., в 1925—1930 гг. он упал до 59 человек и в дальнейшем снизился до 34 человек в 1937 г. В 1935 г. в городах Латвии вместо естественного прироста наблюдалась естественная убыль: превышение смертности над рождаемостью составляло 3,3 человека на каждые 10 тыс. жителей, а в Риге даже 4,1 человека. Среди областей наибольший естественный прирост—102,9 человека на 10 тыс.—показывает Латгале, наименьший—1,4 человека—Видземе. Положение Латвии в отношении естественного прироста лучше, чем Эстонии, где он падает в отдельные годы ниже 10 человек на 10 тыс., но почти в 3 раза хуже, чем Литвы (в 1937 г.—92 человека на 10 тыс.).

Население Латвии неоднородно по своему национальному составу. По официальным данным переписи 1935 г., латыши (вместе с родственными им латгальцами, статистикой не выделенными) составляли 1 473 тыс., или 75,5% (латгальцев из них, по приблизительным данным, 15—16%). Таким образом, помимо латгальцев, четверть населения Латвии составляют нелатышские национальности, среди которых первое место занимают русские—200 тыс. (11%),—проживающие, глав

ным образом, в Латгале (154 тыс.) и Риге (28,3 тыс.), затем евреи—94 тыс., или 4,8%,—сосредоточенные, главным образом, в Риге (44 тыс.), в городах Латгале и Курземе, поляки—49 тыс. (2,5%)—главным образом, в Латгале и Земгале, белоруссы — 27 тыс. (1,4%)—главным образом, в Латгале, литовцы — 23 тыс. (1,2%)—главным образом, в Земгале, эстонцы и пр. Так как в Латгале подавляющая часть населения, причисленного официальной статистикой к латышам, фактически латгальцы, то Латгале является провинцией, населенной почти целиком нацменьшинствами. В Риге также значителен удельный вес нелатышских национальностей (37%)—евреев, русских и др.

В связи с потерей немцами прежнего привилегированного положения в Прибалтике и занимавшихся ими решающих политических и экономических позиций число их в латвийском государстве стало значительно меньше, чем на той же территории в царской России. Вместо 115 тыс. немцев в 1897 г. перепись 1935 г. насчитала в Латвии всего 62 тыс.; в соответствии с германо-латвийским соглашением (октябрь 1939 г.) о репатриации латвийских граждан немецкой национальности часть из них (около 45 тыс.) покинула пределы Латвии и переселилась в Германию; таким образом, число немцев в Латвии еще более уменьшилось.

По плотности населения (30 человек на 1 км²) Латвия также занимает промежуточное положение между Эстонией (24 человека на 1 км²) и Литвой (46 человек на 1 км²). Наиболее высокая плотность населения в Латгале (36 человек на 1 км²), наименьшая—в Видземе (18 человек на 1 км²).

В связи с аграризацией послевоенной Латвии удельный вес ее городского населения ниже, чем в довоенное время: вместо 40,3% в 1914 г. (1 028 тыс. человек) в городах проживало в 1937 г. 710 тыс. человек, или 36,2% населения. Однако часть так называемого городского населения проживает в 27 местечках с населением от 500 до 2 тыс. человек и по существу занята в сельском хозяйстве; городов же с числом жителей свыше 2 тыс. в Латвии имелось в 1935 г. лишь 33, и их население составляет только 34,9% общего числа жителей в стране. Городов с населением свыше 10 тыс. в Латвии всего шесть, из них только Рига, насчитывающая 385 тыс. жителей, может считаться действительно крупным центром, в Лиепае—57 тыс. населения, в Даугавпилсе—45,2 тыс., в Елгаве—34 тыс., в Вентспилсе—15,7 тыс., в Резекне—13,1 тыс.

Рига—столица Латвии, расположена на Даугаве, в 15 км от ее впадения в Рижский залив Балтийского моря. Это древ-

нейший город Латвии, начавший быстро заселяться, застраиваться и богатеть еще с XIII в. С 1285 г. Рига состояла в Ганзейском союзе городов, что упрочило ее силу и могущество. Северная война в начале XVIII в. резко подорвала ее благосостояние; в 1760 г. в ней насчитывалось всего 14 тыс. жителей. До середины XIX в. Рига являлась преимущественно крупным административным и чиновничьим центром. С развитием капитализма в России, во второй половине XIX в., Рига начинает быстро оживать в хозяйственном отношении, в особенности с постройкой Риго-Орловской и других железных дорог в период 1861—1889 гг. Начинается быстрый рост промышленности и торговли. В 1862 г. в Риге открывается политехнический институт, в 1872 г. заканчивается постройка железнодорожного моста через Западную Двину, в 1874 г. открывается крупнейший по тому времени Балтийский вагоностроительный завод, с 90-х годов разворачивается оживленное строительство. Особенного развития Рига достигла в период 1905—1913 гг. К началу первой мировой империалистической войны Рига насчитывала уже 482 тыс. жителей, среди них 75 тыс. промышленных рабочих.

В рамках современной Латвии Рига уже не вернула своего былого значения. Ее население все еще составляет 80% уровня 1913 г. Среди населения Риги латыши составляют около 63%, русские—5,9%, евреи—11,6%. Удельный вес немецкой части населения систематически падает уже с конца XIX в.; вместо 34% в 1881 г. немцы в 1935 г. составляли всего 10%; в связи с упоминавшимся германо-латвийским соглашением о репатриации число их еще более уменьшилось.

Рига—крупнейший политический и хозяйственно-культурный центр Латвии—во много раз превосходит все прочие латвийские города по масштабам своей финансовой и торгово-промышленной деятельности. В 1936 г. в Риге насчитывалось 67 тыс. промышленных рабочих, занятых преимущественно в лесобработывающей, металлообработывающей, машиностроительной, химической, текстильной и пищевой промышленности. В Риге находятся все три государственных высших учебных заведения страны—университет, основанный в 1919 г. и насчитывающий 8—9 тыс. студентов, академия искусств и консерватория.

К западу от Риги, по побережью Рижского залива, тянется известное Рижское взморье с песчаными пляжами и сосновыми лесами, представляющее собой сплошную цепь курортов и дачных местностей.

Лиепая (б. Либава)—второй по значению хозяйственный центр Латвии и важнейший город Курземе. Известна Лиепая еще с XIII в. В 1863 г. в ней насчитывалось всего 10 тыс. жителей. Рост Лиепай (тогда Либавы) был связан с постройкой Либаво-Роменской железной дороги. В 1911 г. Либава насчитывала уже 83 тыс. жителей и была третьим по значению (после Петербурга и Риги) портом России на Балтийском море.

Лиепая расположена на узкой косе, отделяющей судоходное озеро Лиепая от Балтийского моря. Озеро соединено с морем каналом, в конце которого находится торговая гавань Лиепай. Севернее торговой гавани расположена военная гавань, служащая базой для латвийского военно-морского флота и располагающая двумя сухими и двумя пловучими доками, судостроительными и судоремонтными мастерскими. Помимо военного судостроения, в Лиепе имеются металлургическая, металлообрабатывающая, лесопильная, кожевенная, спичечная промышленность, маслобойни, мельницы, предприятия по производству линолеума, пробок и т. д.

Вентспилс (б. Виндава)—третий по значению порт Латвии—расположен на побережье Балтийского моря, в устье реки Венты. Выделяется как наиболее крупный центр лесопильной промышленности Латвии, имеет около 1,5 тыс. промышленных рабочих.

Елгава (б. Митава)—важнейший город Земгале, расположенный на обширной и плодородной Елгавской низменности, на реке Лелупе. Значительный центр по торговле сельскохозяйственными продуктами. В Елгаве находятся наиболее крупное в Латвии предприятие льняной промышленности, сахарный завод, черепичные предприятия. Промышленных рабочих в Елгаве—около 4 тыс. Елгава, основанная в 1266 г. Ливонским орденом, в дальнейшем служила столицей Курляндского герцогства.

Даугавпилс (б. Двинск)—главный город Латгале, крепость и речной порт на Даугаве. Даугавпилс ведет оживленную торговлю льном, лесом и зерном, имеет железнодорожные мастерские и небольшую металлообрабатывающую, деревообрабатывающую и пищевую промышленность. Общее число промышленных рабочих доходит до 2 тыс. Даугавпилс был основан Ливонским орденом в 1278 г.

Самодетальное население Латвии составляло в 1935 г. 1 192,6 тыс. Большая его часть занята в сельском хозяйстве и значительно меньшая—в промышленности, торговле и транспорте.

Состав самостоятельного населения Латвии в 1935 г.

	В тыс.	В %
В сельском хозяйстве	801,6	67,1
» промышленности	174,6	14,8
» торговле	68,3	5,7
» транспорте	26,2	2,2
Служащие государственных учре- ждений	39,6	3,3
Свободные профессии	39,9	3,3
Домашние услуги	32,6	2,8
Прочие	9,8	0,8
Всего	1 192,6	100,0

Аграризация послевоенной Латвии отражается и в этих цифрах, так как до первой мировой империалистической войны в сельском хозяйстве было занято лишь 44% самостоятельного населения.

По своей классовой структуре самостоятельное население распределяется следующим образом: городская и сельская буржуазия, а также кустари (объединенные статистикой с предпринимателями) составляют около 160 тыс., крестьян-середняков—около 70 тыс., промышленных, транспортных и прочих рабочих, сельскохозяйственных батраков, служащих—около 440 тыс., крестьян-бедняков и малоземельных—около 90 тыс. и около 430 тыс. работающих, но не оплачиваемых, членов крестьянских семей, преимущественно бедняцких, малоземельных и середняцких.

VI. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

До первой мировой империалистической войны сельское хозяйство Латвии характеризовалось двумя основными чертами: во-первых, Латвия была страной крупного дворянского и кулацкого землевладения, что было связано с исторически сложившимися феодальными привилегиями баронства и с политикой царского правительства по хозяйственному укреплению зажиточной верхушки латышского крестьянства; во-вторых, являясь одной из капиталистически наиболее развитых окраин царской России со значительной промышленностью, Латвия в заметной мере интенсифицировала свое сельское хозяйство, обслуживавшее потребности значительного городского населения. Помещикам-баронам принадлежало в то время 47,2% земельного фонда Латвии. Концентрация земельной собственности была очень высока: вся помещичья.

земля находилась в руках ничтожной кучки (917) помещиков, среди которых большая часть имела по 1 тыс. га земли и выше; латифундии в 5—10 тыс. га составляли значительную часть (около 45 %) всего дворянского землевладения; как правило, каждая из баронских семей владела, как уже указывалось, многими имениями сразу.

Этой кучке помещиков-латифундистов противостояли 138 тыс. крестьянских хозяйств, которым принадлежало менее двух пятых (39,7 %) земельного фонда страны. Больше половины этих хозяйств составляли хозяйства малоземельного и бедняцкого крестьянства, зато в руках зажиточных крестьян и кулаков (так называемых «серых баронов») уже тогда было сосредоточено около трех четвертей всей крестьянской земли.

С установлением в Латвии власти латышской буржуазии последняя, как уже отмечалось, изменила в целях укрепления своего господства существовавшие до войны аграрные отношения. К этому толкала ее необходимость лишить немецкое баронство его основных экономических функций в стране, реализовать чаяния латышского кулачества, стремившегося овладеть землями дворянства, и в особенности стремление ослабить революционный нажим крестьянских масс, глубоко всколыхнутых победой Великой Октябрьской Социалистической революции в СССР и гражданской войной в самой Латвии. Под этим углом зрения Учредительное собрание Латвии в спешном порядке провело 16 сентября 1920 г. земельный закон, изменивший соотношение сил в латвийской деревне, но не улучшивший положения безземельного и малоземельного крестьянства. Формально аграрная реформа проводилась под лозунгами ликвидации безземельности, обеспечения равенства всех слоев крестьянства. Фактически она была направлена на укрепление кулачества—важнейшей политической силы в новом латвийском государстве.

Согласно новому закону все государственные, помещичьи и пасторские земли отчуждались и поступали в распоряжение государственного земельного фонда. Во владении помещиков оставались участки, не превышавшие 100 га. Земельный фонд составил 3 719 тыс. га (главным образом, помещичьих земель), из них 1,65 млн. га пахотной земли, 1,49 млн. га леса, прочее—неудобные земли. Для наделения землей из государственного земельного фонда был установлен определенный порядок, при котором земельные участки фактически оказались распределенными между кулаками и лицами, близкими новому государственному строю Латвии. Первоначально предполагалось выделять в надел земельные участки

до 22 га, в дальнейшем, однако, в связи с обнаружившимся недостатком земли, норма была снижена до 15 га. Из распределенных к 1937 г. 191,5 тыс. участков лишь 69,3 тыс. (58% всей розданной земли) пошли на образование новых хозяйств, все прочие были отданы либо в порядке прирезка старым хозяйствам, либо торговым и промышленным предприятиям и т. п.

Характерно, что в Видземе—области наиболее резко выраженного кулацкого землевладения—средний размер выделенных участков составил 22,2 га, а в Латгале—районе бедняцкого и малоземельного крестьянства—всего 5 га. В то же время, стремясь к усилению кулацкой прослойки и в Латгале, правительство провело там выделение крестьянства на хутора. В этом порядке к 1937 г. за счет земельной площади 4825 деревень в Латгале было образовано 73,5 тыс. хуторов. Хуторской тип сельских поселений преобладает теперь во всей латвийской деревне.

Ликвидировав в Латвии крупное дворянское землевладение и обеспечив кулачеству ведущую роль в латвийской деревне, аграрная реформа в то же время значительно усилила процессы классового расслоения крестьянства.

Латвийская земельная статистика делит все хозяйства на 12 групп по размерам землевладения. Среди них группы с земельной площадью до 10 га можно определить как группы хозяйств бедняцких и малоземельных; группы с площадью 10—20 га—как середняцкие; группы с площадью свыше 20 га в основном охватывают хозяйства зажиточные, кулацкие и крупнокапиталистические. Некоторое количество мелких по площади хозяйств, сконцентрированных около промышленных центров и специализировавшихся на поставке в города высокоценных продуктов животноводства, садоводства и огородничества, принадлежит к хозяйствам капиталистического типа, однако подавляющее большинство хозяйств данного размера—это хозяйства малоземельные, в значительной части безлошадные и бескоровные.

Как видно из таблицы (см. стр. 44), одна треть всей земли находится в руках ничтожной кучки владельцев 2 200 имений помещичьего типа; вся зажиточная и кулацкая часть крестьянства и крупнокапиталистические хозяйственные предприятия располагают 76% всей земли.

По сравнению со структурой крестьянского землевладения в 1920 г. перепись 1929 г. рисует общий рост количества крестьянских хозяйств. Особенно сильно выросла группа хозяйств середняцких с владениями от 10 до 20 га каждое,

Структура землевладения в Латвии
(по данным переписи 1929 г.)

Хозяйства	Количество хозяйств		Земельная площадь	
	в тыс.	в %	в тыс. га	в %
До 1 га	10,7	4,6	5,1	0,1
От 1 до 5 га . . .	35,1	15,2	98,8	1,6
» 5 » 10 » . . .	43,5	18,9	329,5	5,3
» 10 » 20 » . . .	70,6	30,6	1 057,7	17,1
» 20 » 30 » . . .	30,3	13,1	715,1	11,5
» 30 » 50 » . . .	21,8	9,4	863,8	14,0
» 50 » 100 » . . .	16,8	7,3	1 105,3	17,9
Свыше 100 » . . .	2,2	0,9	2 016,3	32,5
Всего . .	231,0	100,0	6 191,6	100,0

в связи с чем ее удельный вес в общем количестве хозяйств увеличился более чем в 2 раза. Заметно выросла затем группа зажиточных и кулацких хозяйств площадью свыше 20 га, хотя и при некотором понижении их удельного веса. Мало выросла количественно и сильно потеряла в удельном весе группа бедняцких и маломощных хозяйств до 10 га каждое. Другая картина рисуется распределением земли между теми же тремя группами. Оказывается, что подавляющая часть новых земель пошла на расширение зажиточного и кулацкого землевладения, значительно меньшая—на землевладение середняцкое, и весьма мал прирост земельного фонда бедняцкого и малоземельного крестьянства.

Хозяйства	Количество хозяйств				Земельная площадь			
	1920 г. ¹		1929 г.		1920 г. ¹		1929 г.	
	в тыс.	в %	в тыс.	в %	в тыс. га	в %	в тыс. га	в %
До 10 га	74,4	53,8	89,3	38,6	358	12,3	433,4	7,0
От 10 до 20 га . . .	18,6	13,6	70,6	30,5	302	10,4	1 057,7	17,1
Свыше 20 га	45,2	32,6	71,1	30,9	2 245	77,3	4 700,5	75,9
Всего . .	138,2	100,0	231,0	100,0	2 905	100,0	6 191,6	100,0

¹ До «аграрной реформы», не считая помещичьих и церковных хозяйств.

По структуре землевладения Видземе, Курземе и Земгале более или менее однородны—в каждой из этих областей явно кулацкое (хозяйства свыше 30 га) и крупнокапиталистическое землевладение концентрирует в своих руках от 72 до 76% всей земли. В Видземе сосредоточена одна треть всех кулацких хозяйств страны, в Курземе—одна пятая, зато в последней особенно высок удельный вес в землевладении (43,6%) наиболее крупных поместий, размером свыше 100 га каждое. Именно в эти области направляется поток рабочей силы, завозимой для сельскохозяйственных работ из-за границы и из Латгале. Социально иной структурой землевладения отличается Латгале. Здесь сосредоточено около 60% всего бедняцкого и малоземельного и около 50% середняцкого крестьянства страны; удельный вес середняцких хозяйств в землевладении Латгале значительно выше, а кулацких—в 2 раза ниже, чем в прочих областях. Массы безземельного и малоземельного крестьянства Латгале образуют в ней значительный излишек рабочей силы (заработная плата сельскохозяйственных рабочих в Латгале на 30% ниже средней по Латвии) и ищут себе применения в прочих частях страны.

Кроме 90 тыс. крестьян, владеющих собственными мельчайшими и мелкими участками, в Латвии насчитывается 42 тыс., преимущественно мелких, хозяйств арендаторов, из них около 13 тыс. издольщиков. Видземе и Земгале—районы наибольшего распространения денежной и натуральной аренды.

Кулачество сосредоточило в своих руках около двух третей всего рабочего и пользовательного скота и почти весь (свыше 85%) сельскохозяйственный инвентарь. 3—4 лошади и 10—12 коров приходится в среднем на каждое кулацкое хозяйство. На другом полюсе в Латвии насчитывается 34 тыс. хозяйств безлошадных, 17 тыс. хозяйств, лишенных лошади и коровы, 90 тыс. хозяйств однолошадных. Беднота и середняки, обладая лишь самым примитивным сельскохозяйственным инвентарем, не будучи в состоянии обеспечить землю необходимыми удобрениями, ведут экстенсивное малотоварное хозяйство; значительная их часть не в состоянии обеспечить себя собственным хлебом и вынуждена покупать его или голодать. В реализации своей товарной продукции они полностью зависят от усмотрения цепко охвативших сельскохозяйственный рынок Латвии торговых монополий и кулацких кооперативов; в то же время необходимые крестьянству промышленные товары продаются ему по взвинченным ценам. Обремененное налогами и платежами за землю, мелкое крестьянское

хозяйство попадает в долговую кабалу к кулачеству и банкам, окончательно разоряется и продается с торгов.

Распродажа крестьянских земельных участков с торгов прогрессивно нарастала еще до кризиса 1929 г.: вместо 71 случая распродажи в 1925 г. число их дошло до 1 384 в 1929 г., но особенно возросло оно в период кризиса. За время 1930—1934 гг. в Латвии было продано с молотка 16 883 крестьянских хозяйств, в 1935 г.—2 935 хозяйств. Обнищание деревни идет все возрастающими темпами: число безземельных растет, расширяются кадры сельскохозяйственного пролетариата, усиливается его эксплуатация кулачеством. В то же время сельское хозяйство Латвии в целом все более и более попадает в зависимость от финансового капитала. Общая задолженность сельского хозяйства банкам возросла со 190 млн. лат в 1929 г. до 275 млн. лат в 1939 г., причем большая часть банковских кредитов идет на покупку земли, на новые постройки и уплату долгов, и весьма небольшая—на рационализацию и повышение агротехнического уровня сельского хозяйства.

До кризиса в сельском хозяйстве Латвии насчитывалось около 160 тыс. безземельных крестьян, работавших батраками и поденщиками на фермах кулаков. Со времени кризиса 1929 г. численность сельскохозяйственного пролетариата значительно возросла, достигнув 275—300 тыс. Усиленная эксплуатация батрачества кулаками ярко сказывается в резком падении номинальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих (в 1933/34 г. заработная плата годовых рабочих составляла всего 60% уровня 1929 г.; не на много она повысилась и в дальнейшем: в 1936/37 г.—68% того же уровня), в широком применении дешевого женского труда, вытесняющего мужской (в 1935 г. женщины составляли около 60% всех годовых и сезонных сельскохозяйственных рабочих, а их заработная плата—76% заработной платы батраков-мужчин), в проводимой кулачеством натурализации заработной платы рабочих (в 1936 г. заработная плата батраков выплачивалась натурой на 50%), в работе батраков по 16—18 час. в сутки. Стараясь всячески снизить свои затраты на наем рабочей силы, сельская буржуазия переходит от использования годовых батраков к найму сезонных, месячных и поденных, в связи с чем зимняя безработица среди батрачества охватывает около 50% всего сельскохозяйственного пролетариата. В тех же целях кулачество основных кулацких провинций—Видземе, Курземе, Земгале—прибегало к ввозу в эти провинции более дешевой

рабочей силы из бедного района Латвии—Латгале, а также из бывшей Польши и Литвы, усиливая тем самым среди батрачества уже не просто сезонную, но и хроническую безработицу. В 1936 г. из-за границы было ввезено 39,7 тыс. рабочих, а из Латгале в прочие провинции Латвии—17 тыс.

С преобразованием Латвии в самостоятельную буржуазную республику перед ее сельским хозяйством также встал вопрос о путях дальнейшего развития. Зерновое хозяйство оказалось в тупике. Для того чтобы конкурировать как на мировом, так и на внутреннем рынке с более дешевым хлебом заокеанских стран, необходимы были крупные затраты на пополнение сельскохозяйственного инвентаря, на удобрения и мелиоративные работы. Такими средствами сельское хозяйство не располагало; не могли изменить этого положения и те субсидии, которыми правительство пыталось подкрепить кулачество. Отсюда падение против довоенного уровня посевных площадей под зерновыми и крайне низкая урожайность, отставшая не только от урожайности прочих стран, но и от довоенных норм урожайности на территории самой Латвии.

Производство зерновых в Латвии
(в среднем за год)

	Посевная площадь (в тыс. га)			Валовой сбор (тыс. т)			Урожайность (в ц на 1 га)		
	1909— 1913 гг.	1920 г.	1925— 1929 гг.	1909— 1913 гг.	1920 г.	1925— 1929 гг.	1909— 1913 гг.	1920 г.	1925— 1929 гг.
Овес . .	306	216	299	279	113	249	9,6	5,2	8,3
Рожь .	351	197	254	325	119	237	9,3	6,0	9,3
Ячмень	191	123	176	173	66	155	9,1	5,4	8,8
Пшеница	32	16	56	38	11	62	11,8	6,7	11,1

Как видно, к началу мирового экономического кризиса сельское хозяйство Латвии не сумело достигнуть довоенного уровня по посевным площадям по всем важнейшим для нее зерновым культурам—овсу, ржи, ячменю. По урожайности овса Латвия занимает одно из последних мест в Европе—9,9 ц с 1 га в среднем за 1928—1932 гг. против 21,2 ц в Нидерландах, 19,2 ц в Германии, 13,6 ц в Финляндии, 10,8 ц в Литве. Аналогично положение по ржи и ячменю. Кризис латвийского зернового хозяйства заставил кулачество искать выхода в переходе к животноводству, обещавшему ему более высокую рентабельность в связи с высокими ценами на масло

державшимися на мировых рынках. Отсюда значительные сдвиги в структуре сельского хозяйства Латвии, происшедшие в послевоенный период. Решающее место в сельскохозяйственном производстве занимает молочное и мясное животноводство, расширяются посевные площади под кормовыми травами, производство зерна отодвигается на второй план. К 1930 г. поголовье крупного рогатого скота достигло 1 026 тыс., свиней — 523 тыс. против соответственно 768 тыс. и 481 тыс. в 1920 г. и 912 тыс. и 557 тыс. в 1913 г. Посевная площадь под кормовыми культурами выросла с 270 тыс. га в 1923 г. до 477 тыс. га в 1929 г. Развивавшееся кулацкое маслоделие ставится кулачеством на кооперативные рельсы. Создается Центральный союз молочных хозяйств Латвии, ориентирующийся на опыт датской кулацкой кооперации, организующий производственный инструктаж кулацких хозяйств, снабжающий их необходимым инвентарем и организуя сбыт их продукции на внешних рынках.

Экспорт масла из Латвии, ничтожный до войны, вырос с 940 т в 1922 г. до 14,8 тыс. т в 1929 г. Среди прибалтийских стран Латвия заняла по вывозу масла первое место. В общей сумме экспорта самой Латвии масло составляло до кризиса 1929 г. около 20%. Но организовав вывоз животноводческих продуктов в Англию и Германию, Латвия в то же время сама оказалась вынужденной перейти к импорту недостающего ей хлеба.

До мирового экономического кризиса 1929 г. Латвия импортировала, по расчетам буржуазных латвийских экономистов, около 45% потребляемой ею пшеницы и 20% ржи. С наступлением кризиса латвийское правительство было вынуждено пересмотреть свою сельскохозяйственную политику. Связанные с кризисом валютные затруднения требовали максимального сокращения импорта, тем более что происшедшее на мировых рынках катастрофическое падение цен на продукты животноводства наносило тяжелый удар латвийскому экспорту. Руководствуясь интересами кулачества, правительство, с одной стороны, обеспечило ему высокие твердые цены (в 2—3 раза выше мировых) почти на всю его продукцию (зерно, бэкон, молочные продукты, лен, сахарная свекла, кожи и т. д.), поддерживая тем самым экспорт сельскохозяйственных продуктов на внешние рынки по демпинговым ценам; с другой — прекратило импорт зерна, установив с 1933 г. государственную хлебную монополию. Жертвами этой политики ограбления трудящихся масс в пользу кулачества оказались наряду с рабочими в городах также бедняки и

средняцкое крестьянство: эта часть крестьянства не пользовалась высокими закупочными ценами государственной монополии как в силу своей малотоварности, так и потому, что под давлением нужды оно продавало свой хлеб по дешевым ценам перекупщикам-спекулянтам. Зато кулачество, стимулировавшееся политикой дотаций к росту производства зерновых и животноводства, сумело расширить свои посевы и свои стада даже в период кризиса. Широкая помощь, оказанная кулачеству правительством по приобретению сельскохозяйственного инвентаря и орудий на льготных условиях, позволила даже заметно повысить техническую вооруженность его производства; так, общее количество двигателей в сельском хозяйстве Латвии выросло с 3,7 тыс. в 1929 г. до 5,3 тыс. в 1937 г., количество сеялок увеличилось за те же годы с 7,8 тыс. до 17 тыс., жатвенных машин—с 82 тыс. до 128 тыс. и т. д.

Движение посевных площадей и поголовья скота

	1929 г.	1932 г.	1935 г.	1938 г.
Посевные площади (в тыс. га)	1 913,0	—	2 086,9	2 186,6
В том числе:				
овес	303,1	325,0	332,5	347,9
рожь	237,6	240,0	270,4	287,0
ячмень	182,9	185,0	193,1	177,9
пшеница	58,9	103,0	140,5	141,0
Поголовье скота (в тыс.)				
Крупного рогатого скота	978	1 153,1	1 274,9	1 224,4
В том числе:				
молочных коров . .	—	—	875,0	878,0
Свиней	382	581,6	803,1	813,5
Овец	905	984,6	1 346,7	1 360,5
Лошадей	356	366,6	383,4	400,1

В 1935 и 1936 гг. Латвия впервые за время своего существования экспортировала за границу значительные количества ржи, пшеницы и отчасти ячменя.

По данным 1938 г., из общей площади Латвии в 6 579 тыс. га обрабатываемые земли составляли 2 187 тыс. га, или 33,3%, естественные луга и пастбища—1 657 тыс. га—25,2%, под

лесами находилось 1 747 тыс. га—26,5%, непродуктивными и прочие земли занимали 989 тыс. га—15%.

По продуктивному использованию своей территории Латвия стоит позади Литвы, где под пахотными землями занято 48,5% площади страны, опередив, однако, Эстонию (23,8%), Латвия богаче прочих прибалтийских стран как по абсолютным размерам своих лесных ресурсов (в Литве—1 051 тыс. га, в Эстонии—938 тыс. га), так и по своей лесистости (в Эстонии леса составляют лишь 20,8% площади страны, в Литве—19%).

Около 50% обрабатываемых земель—1 037 тыс. га—находится под посевами зерновых, среди которых преобладают овес, рожь и ячмень; в меньшей степени культивируется пшеница, потребление которой в Латвии значительно меньше потребления ржи. Кормовыми травами занято 27% обрабатываемой земли—592 тыс. га, а под овощами находится 10,6%—231 тыс. га. Из овощей культивируются, главным образом, картофель (138 тыс. га) и бобовые (36 тыс. га). Заметную роль в продукции земледелия играют технические культуры (общая площадь—80 тыс. га, или 3,6% обрабатываемых земель): лен (65,5 тыс. га) и сахарная свекла (13,6 тыс. га). В мировом производстве льна решающее место принадлежит, как известно, Советскому Союзу, который дает 80—85% всех посевов льна, поэтому роль Латвии в общей продукции льна невелика, однако в группе капиталистических стран, занятых льнопроизводством, Латвия занимает одно из заметных мест. В 1938 г. на Латвию падало 11% посевов льна капиталистическими странами и 8% его продукции. Что касается сахарной свеклы, то еще совсем недавно—в 1928 г.—Латвия совершенно не имела посевов сахарной свеклы и ввозила сахар в большом количестве (в среднем в год за пятилетие 1926—1930 гг.—41,6 тыс. т). В период кризиса 1929—1933 гг. правительство начало усиленную пропаганду за внедрение посевов сахарной свеклы, с тем чтобы устранить те крупные затраты валюты, которые обуславливал значительный импорт сахара. Расширение посевов сахарной свеклы и развитие собственной сахарной промышленности в Латвии протекали при финансовой поддержке правительства, установившего государственную сахарную монополию и поддерживавшего высокие цены на сахар на внутреннем рынке. Посевы сахарной свеклы начали заметно расти с 1933 г. (13,1 тыс. га), достигнув максимума в 1935 г.—15,5 тыс. га—и несколько снизившись в последующие годы. С 1935 г. Латвия совершенно прекратила ввоз сахара и стала в небольших количествах экспортировать собственный сахар.

Валовые сборы важнейших культур

(в тыс. т)

	1926—1930 гг. (средне- годовая)	1932 г.	1935 г.	1937 г.	1938 г.
Овес	256,1	323,0	385,9	405,0	446,6
Рожь	247,1	299,5	363,9	421,5	378,7
Ячмень	157,0	192,7	204,6	218,4	220,6
Пшеница	72,9	144,0	177,5	171,5	191,9
Лен	19,9	9,4	24,8	23,1	21,5
	1926/27— 1930/31 гг.	1932/33 г.	1935/36 г.	1937/38 г.	1938/39 г.
Сахарная свекла	3,0	24,5	45,1	40,2	29,6

Наиболее высок удельный вес обработанных земель (до 40%) в южной и восточной частях страны, в Земгале и Латгале, где преобладает зерновое хозяйство. Земгале, в частности ее Елгавский и Бауский уезды,—основной район Латвии по производству пшеницы, в значительных количествах выбрасываемой на рынок кулацкими товарными фермами; в Латгале в зерновых посевах малотоварных мелкокрестьянских и середняцких хозяйств преобладают рожь и ячмень. Лугами и пастбищами наиболее богаты центральный, северный и западный районы Латвии—области Видземе и Курземе, где луга и пастбища занимают до 30% всей территории. В этих же областях особенно высок в посевах удельный вес кормовых трав. В Видземе сосредоточено около 35% всего поголовья крупного рогатого скота, а молочных коров даже несколько больше. Именно Видземе дает около 75% всей продукции товарного масла в Латвии.

Размещение крупного рогатого скота

(в тыс. голов)

Районы	Все поголовье	В том числе молочные коровы
Видземе	436	301
Курземе	201	144
Земгале	297	204
Латгале	327	226

Посевы льна наиболее распространены в северо-восточной и восточной частях страны—в Латгале с ее излишками рабочей силы,—где в районах Даугавпилса, Резекне, Яунлатгале и других сосредоточено свыше 70% всей посевной площади страны под льном; затем в северной части Видземе—около Валмеры, Валги—и в том же Видземе около Мадона.

Важнейшими районами производства сахарной свеклы служат Елгавский и Бауский уезды Земгале и район Лиепай в Курземе; Земгале и Курземе дают в совокупности около трех четвертей всех посевов сахарной свеклы в Латвии, большая часть остальной свеклы производится в Латгале, около Даугавпилса и Лудзы.

Кулацкие и крупнокапиталистические хозяйства Видземе, Земгале и Курземе владеют большей частью имеющегося в стране сельскохозяйственного оборудования и инвентаря, поэтому в этих же областях относительно наиболее высокая в Латвии урожайность зерновых, наиболее же низка последняя в Латгале с ее низкой агротехникой и преобладанием бедняцкого и маломощного крестьянства.

Видное место в экономике страны занимает эксплуатация лесных богатств, позволяющая Латвии базировать свой экспорт в значительной мере на лесе и лесоматериалах. Наиболее лесисты Курземе и Видземе, беднее всего лесом Риги-Елгавская низменность и Латгале. Подавляющая часть лесов (86%) принадлежит государству, некоторая часть—городским самоуправлениям, и лишь небольшие участки (от 5 до 20 га) распылены между отдельными крестьянскими хозяйствами.

Лесные ресурсы страны хищнически используются: при ежегодной норме прироста древесины в $2,2 \text{ м}^3$ с 1 га вырубается в среднем с 1 га около 3 м^3 . Около 80% вырубленной древесины дают хвойные леса, главным образом сосна, затем ель. Из лиственных пород наибольшее значение имеют береза и осина. Насаждая в деревне новые кулацкие хозяйства, правительство поддерживало их также и отпуском леса по столь низким ценам, что нередко кулачество спекулировало на лесе, полученном от государства, выбрасывая его на рынок по более высоким, чем государственные, ценам. Лесная площадь, составлявшая в 1923 г. 1780 тыс. га, сократилась к 1929 г. до 1659 тыс. га; вновь несколько возросла лесная площадь в последующие годы, составив 1745 тыс. га в 1938 г.

VII. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ПОЛОЖЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА

Несмотря на то что в системе царской России Латвия была национально угнетавшейся окраиной, она сумела достигнуть, в силу отмеченных выше причин, значительного уровня промышленного развития. К началу первой мировой империалистической войны Латвия обладала разносторонней, технически передовой индустрией, тесно связанной с иностранным капиталом. 108 тыс. рабочих были заняты в латвийской промышленности, характеризовавшейся значительным числом крупных предприятий, в частности заводом резиновых изделий «Проводник» с 16 тыс. рабочих, вагоностроительным заводом «Феникс» с 15 тыс. рабочих и рядом других, вывозивших во внутренние губернии России резиновые и текстильные товары, металлоизделия, машины и вагоны, цемент, стекло, краски, бумагу, химические и аптекарские товары, пиво и т. д. Казенные заказы для русских железных дорог и интендантства немало способствовали развитию и укреплению латвийской промышленности. Война же 1914—1918 гг. нанесла ей исключительно тяжелый удар. В результате разрухи и проведенной в 1915 г. эвакуации промышленность Латвии была почти полностью разрушена. Число занятых в ней рабочих упало на 80%, достигнув в 1920 г. ничтожной цифры в 21 тыс., а валовая продукция — на 86%, составив тогда же всего 120 млн. лат.

Выше уже отмечалось, что восстановление промышленности во вновь образованном латвийском государстве упиралось в неразрешимые для латвийской буржуазии проблемы необходимых для этого капиталов и рынков сбыта. В условиях экономической разрухи и инфляции, характерных для первого периода существования самостоятельной Латвии, латвийская буржуазия предпочитала вкладывать те небольшие средства, которыми она располагала, в валютную и товарную спекуляцию, а не в долгосрочное строительство промышленных предприятий. Оказавшееся у власти кулачество заботилось об укреплении своих позиций, ориентировалось на аграризацию страны и интересовалось лишь промышленностью, перерабатывающей продукты сельского хозяйства и работающей на удовлетворение внутренних нужд страны.

Некоторое оживление латвийской промышленности началось только с 1923 г., когда финансово-хозяйственная жизнь страны стала несколько стабилизироваться. В это время в Латвии возникает ряд мелких и средних предприятий, преимуще-

ственно по производству предметов широкого потребления для внутреннего рынка. Поддерживая развитие этой промышленности, правительство пошло на разрешение беспошлинного ввоза машин, промышленного сырья и топлива. В небольшом количестве латвийские промышленные изделия начинают вывозиться в соседние и прочие страны—Литву, Эстонию и др. Заметный толчок к развитию латвийская промышленность получила после заключения первого советско-латвийского торгового договора в 1927 г. В связи с принятым на себя советским правительством обязательством закупать в Латвии ежегодно на 40 млн. лат преимущественно промышленных товаров значительно увеличивается число занятых на предприятиях промышленных рабочих, растут промышленная продукция и промышленный экспорт.

Обрабатывающая промышленность Латвии до кризиса 1929 г.

	1913 г.	1920 г.	1923 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Продукция (в млн. лат) . .	830	120	199	276	317	344	392	447
Число рабочих (в тыс.) . .	108,5	21,2	40,6	49,9	49,7	53,0	57,8	62,3
Число предприятий . .	782 ¹	1 430	2 032	2 839	2 732	2 853	2 887	2 948

Как видно, к началу мирового экономического кризиса 1929 г. латвийская промышленность далеко еще не достигла довоенного уровня ни по размерам своей продукции, ни по числу занятых в ней рабочих; зато она намного вышла за довоенные рамки по числу предприятий, в значительной мере за счет появления массы мелких кустарных и ремесленных мастерских. В годы мирового экономического кризиса (1929—1933 гг.) максимум падения промышленного производства, сокращения числа рабочих и роста безработицы наблюдался в 1932 г.

Резкое ограничение импорта, которое было тогда проведено Латвией в целях поддержки латвийской промышленности и курса латвийской валюты, способствовало некоторому оживлению отраслей, работающих на внутренний рынок (в особенности текстильной промышленности), зато резиновая

¹ В 1910 г.

и лесобрабатывающая промышленность, ориентированные в значительной степени на внешние рынки, в полной мере испытали разрушительное влияние кризиса.

Учитывая, что в сентябре 1936 г. латвийский лат был обесценен на 40%, мы видим, что докризисного уровня производства латвийская промышленность не достигла даже в 1937 г.

Обрабатывающая промышленность Латвии
(в период кризиса 1929—1933 гг. и после него)

	1929 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1936 г.	1937 г.
Продукция (в млн. лат) . . .	447	284,8	312,1	373,1	473,3	636,8
Число рабочих (в тыс.) . . .	62,3	51,9	59,8	70,8	83,9	94,2
Число предприятий	2 948	3 523	3 788	4 288	5 565	5 715

Таким образом, за все время существования самостоятельной Латвии число рабочих, занятых в ее промышленности, не превысило 87% довоенного уровня (считая по высшей точке 1937 г.). Стоимость же промышленной продукции в 1937 г. достигла лишь 77% уровня 1913 г., а фактически была даже еще ниже, если учесть происшедшую в 1936 г. девальвацию лата.

Отличие современной латвийской промышленности от довоенной далеко не ограничивается чисто количественными моментами; еще более значительны в ней структурные и качественные сдвиги.

В довоенной промышленности Латвии выдающееся место принадлежало отраслям тяжелой индустрии: машиностроению, металлообработке и химическому производству, работавшим на экспорт; в промышленности современной Латвии ведущее место принадлежит отраслям, обслуживающим потребительские нужды внутреннего рынка: около 27% всей промышленной продукции Латвии в 1937 г. составляла продукция пищевкусовой промышленности, около 19%—текстильной, 15—18%—прочих отраслей легкой промышленности. Машиностроение, металлообработка и химическое производство как в последний докризисный 1929 г., так и в 1937 г. дали не более 25% довоенной продукции.

В связи с преобладанием в ней легкой индустрии латвийская промышленность в отличие от довоенного времени могла

в сырьевом отношении базироваться преимущественно на отечественном сырье, что и отвечало интересам латвийского кулачества.

В 1913 г. промышленность Латвии выделила на экспорт 74% своей продукции, в 1929 г.—всего 18%, в 1937 г.—19%. Внешние рынки имеют особо крупное значение лишь для лесопромышленности и бумажной промышленности, отдавших на экспорт соответственно 65 и 31% выпущенной ими в 1937 г. продукции. Металлообрабатывающая и машиностроительная промышленность могли экспортировать только 2% своей продукции, химическая—7, текстильная—9%.

В довоенной промышленности важнейшую роль играли крупные предприятия; число рабочих на трех-четырех заводах резиновой, вагоностроительной и металлообрабатывающей промышленности, насчитывавших по 10—15 тыс. рабочих каждый, составляло до войны около 50% всего количества промышленных рабочих. Промышленность современной Латвии состоит почти целиком из мелких предприятий. Мы уже видели выше, что число промышленных предприятий возросло к 1929 г. во много раз больше, чем количество рабочих и продукция промышленности. Размер продукции, падающий в среднем на одно предприятие, уменьшился к 1929 г. почти в 10 раз по сравнению с 1913 г. (1,1 млн. лат и 0,15 млн. лат), а среднее число рабочих на одно предприятие сократилось соответственно со 120—140 до 22.

В связи с массовыми банкротствами предприятий в период кризиса 1929—1933 гг. и организацией мелких кустарных мастерских рабочими, выброшенными безработицей с фабрик и заводов, измельчание латвийской промышленности еще более усилилось. В 1936 г. размер продукции на одно предприятие упал до 85 тыс. лат, а среднее число рабочих до 15. Подавляющее большинство предприятий—88% в 1936 г.—насчитывает не более 19 рабочих каждое. Всего 306 предприятий имели в 1936 г. более 50 рабочих каждое и только 21—свыше 500.

Параллельно процессу измельчания латвийской промышленности в ней наблюдаются в то же время процессы концентрации, отражающие усиление финансового капитала в хозяйственной жизни Латвии. В мукомольной и табачной промышленности уже давно наблюдалась тенденция к созданию монопольных организаций по сбыту продукции. Синдицирование охватило гвоздильную промышленность еще до кризиса 1929 г. В рижской мебельной промышленности с давних пор существовали объединения с целью согласования

цен и условий продажи. В период кризиса 1929—1933 гг. тенденция к синдицированию становится особенно заметна в отраслях промышленности, работающих на внутренний рынок, защищенный высокими таможенными пошлинами и обширными ограничениями импорта. С изменением политического строя Латвии в 1934 г. (см. дальше «Государственный строй») процессы концентрации под влиянием финансового капитала чрезвычайно усиливаются при прямом и активном содействии правительства. К этому времени относится организация общества по производству и сбыту резиновых изделий, охватывающего все основные предприятия резиновой промышленности; текстильного синдиката, объединившего почти все предприятия хлопчатобумажной промышленности; синдикатов фанерной и кожевенной промышленности; общества, объединяющего важнейшие металлообрабатывающие предприятия и всю военную промышленность.

Структура обрабатывающей промышленности Латвии рисуется следующим образом (по данным 1937 г.):

Отрасли промышленности	Число пред-приятий	Число рабочих (в тыс.)	Валовая продукция (в млн. лат)
Металлообрабатывающая и машино-строительная	733	15,9	74,3
Химическая	185	4,0	45,5
Лесобрабатывающая	1 093	16,3	77,6
Бумажная	57	3,0	24,6
Текстильная и швейная	764	20,8	117,6
Кожевенная	94	1,3	20,3
Пищевая	1 850	12,5	170,2
Прочие	941	20,4	106,7
Всего	5 717	94,2	636,8

В добывающей промышленности около 70% рабочих занято на десяти торфоразработках. Торф играет малую роль в топливном балансе промышленности, всего 1,5% в 1937 г. Основное же значение в этом балансе имеют дрова (35,3%) и импортное минеральное топливо (56%, главным образом уголь); гидроэнергия составляет в балансе всего 6,5%. Энергетика Латвии базируется на работе тепловых электростанций, дающих 96% всего количества добываемой электроэнергии. В 1936 г. при общей продукции электростанций в 140,3 млн. квтч на гидростанциях было получено всего

5,3 млн. *квтч.* Латвия имеет свыше 60 небольших электростанций с очень небольшой суммарной мощностью; наиболее крупная из них—в Риге (мощностью в 35 тыс. *квт*). В Лиепае, Елгаве, Даугавпилсе имеются станции мощностью в среднем 1 тыс. *квт*; прочие станции еще мельче. Реки Латвии могут служить источником гидроэнергии, в особенности Даугава, но, как уже указывалось, до последнего времени Латвия за отсутствием капиталов к строительству электростанций приступить не могла. Лишь в последние годы с помощью шведского капитала была начата постройка более крупной гидростанции, мощностью в 75 тыс. *квт*, на Даугаве, около Кегумы. В 1939 г. это строительство, стоившее 52 млн. лат., было закончено.

Пищевкусовая промышленность—наиболее крупная отрасль производства по размерам валовой продукции, однако все это производство в массе своей распылено между большим количеством мелких предприятий, размещенных преимущественно в сельских местностях. Наиболее крупные отрасли пищевкусовой промышленности по размерам продукции и в то же время наиболее распыленные—это маслодельная и прочая промышленность по переработке молока (2 тыс. рабочих), мукомольная промышленность (1,3 тыс. рабочих); сотни предприятий этих отраслей разбросаны по всей территории страны. Только в Риге и Лиепае имеются сравнительно крупные, технически хорошо оборудованные мельницы. Крупнозаводской характер носит сахарная промышленность, представленная тремя заводами с общим числом 880 рабочих. Первый из них, в Елгаве, начал работать в 1927 г.; с ростом посевов сахарной свеклы, с 1932 г., вступил в строй второй свеклосахарный завод, в Крустпилсе, а затем третий, в Лиепае. Выделяются затем кондитерская (2 тыс. рабочих на 31 предприятии) и табачная промышленность (750 рабочих на 13 предприятиях). 52% всего количества рабочих пищевкусовой промышленности сосредоточено на предприятиях Риги. Участие иностранного капитала в наиболее крупных, акционерных, предприятиях данной отрасли составляло в 1938 г. около 11%.

Текстильная промышленность—следующая по значению после пищевкусовой. Важнейшую роль играют в ней хлопчатобумажные предприятия, в которых занято 5,2 тыс. рабочих, и шерстяные—4,6 тыс. рабочих; меньшую—льняная промышленность—2,7 тыс. рабочих—и шелковая—1,5 тыс. рабочих. Помимо выработки хлопчатобумажных, шерстяных, льняных и шелковых тканей, развито трикотаж-

ное производство. Большая часть потребляемого текстильной промышленностью сырья—весь хлопок, шелк, большая часть шерсти—импортируется из-за границы. Текстильная промышленность пользуется защитой особенно высоких таможенных пошлин, в связи с чем она занимает монопольное положение на внутреннем рынке. Почти вся хлопчатобумажная промышленность объединена синдикатом. Подавляющая часть текстильной промышленности (около 80% рабочих) находится в Риге. В акционерных обществах данной отрасли иностранный капитал участвует на 54% (в 1938 г.)—преимущественно британский, германский, эстонский.

Почти вся металлообрабатывающая и машиностроительная промышленность находится в Риге и Лиепае, где сосредоточено 90% ее рабочих. Несколько наиболее крупных предприятий, как-то: электротехнический завод «Веф», судостроительный и металлургический заводы в Лиепае, машиностроительный и металлообрабатывающий завод «Вайрог» (б. «Феникс») в Риге, железнодорожные мастерские, занятые помимо ремонта подвижного состава также и вагоностроением, принадлежат государству или находящимся под его контролем обществам и дают большую часть продукции этой отрасли промышленности. Все эти предприятия работают, главным образом, на импортном сырье, в связи с чем Латвия ввезла, например, в 1938 г. 40,4 тыс. *т* чугуна, железа и стали. В небольших количествах выплавляет из металлолома собственный чугун и сталь металлургический завод в Лиепае, в основном же металлообрабатывающая и машиностроительная промышленность Латвии дает проволоку, гвозди, сельскохозяйственные машины и орудия, вагоны и прочее железнодорожное оборудование, велосипеды, радиоаппаратуру.

В этой отрасли промышленности до недавнего времени господствовал германский капитал; еще в 1936 г. ему принадлежало 69% всех средств акционерных металлообрабатывающих и машиностроительных предприятий. За последние годы в них весьма усилилось участие и влияние государства, выкупившего в частности вагоно- и машиностроительный завод «Феникс». В 1938 г. иностранному капиталу принадлежало всего 3,3% средств акционированных предприятий.

В химической промышленности наибольшее значение имеют предприятия по производству резиновых изделий. Значительную часть их продукции, главным образом галоши, Латвия выбрасывала на внешние рынки. Спичечная промышлен-

ность обслуживает потребности внутреннего рынка, но работает также и на экспорт. На внутренний рынок рассчитано производство искусственных удобрений. 90% химической промышленности (по числу рабочих) сосредоточено в Риге. Химическая промышленность, так же как и металлообрабатывающая, отличается высокой концентрацией производства. Три предприятия по производству резиновых изделий, две спичечные фабрики и один завод по производству суперфосфата занимают около 60% всех рабочих химической промышленности. Участие иностранного капитала—главным образом шведского, германского и голландского—особенно высоко было в 1938 г.: ему принадлежало 69% средств химических акционированных предприятий. За последние годы развивается лишь производство искусственных удобрений, резиновая же и спичечная промышленность сталкиваются с трудностями сбыта на внешних рынках, работают в ограниченных размерах.

В лесообрабатывающей промышленности выделяется лесопиление (6 тыс. рабочих), представленное множеством мелких заводов на местах и несколькими крупными, технически хорошо оборудованными, предприятиями в Риге. Фанерная промышленность (3,6 тыс. рабочих), насчитывающая 15 относительно крупных предприятий, работает почти целиком на экспорт; до последнего времени ее продукция вывозилась, главным образом, на английский рынок. В ящичной и мебельной промышленности преобладают мелкие мастерские.

В бумажной промышленности выделяются целлюлозная фабрика в Слоке, насчитывающая около 2 тыс. рабочих, и бумажная фабрика в Лигате, около Риги. В лесообрабатывающей промышленности иностранные, главным образом шведские и британские, капиталисты владели в 1938 г. 60% средств акционированных предприятий; в бумажной, где иностранцам принадлежит 58% акционерного капитала, сильнее всего представлены британские, эстонские и голландские интересы.

Специально военная промышленность в Латвии ничтожна: в Риге имеются лишь два предприятия—арсенал, занятый ремонтом вооружения, и патронный завод. Снабжение армии вооружением и боеприпасами основано, главным образом, на их импорте из-за границы.

Особой чертой латвийской промышленности является ее значительная концентрация в Риге. Рига—крупнейший порт, конечный пункт ряда железнодорожных линий и лесного

сплава по Даугаве, старейший промышленный центр Прибалтики—сосредоточила в себе 36% всех промышленных предприятий Латвии, 66% промышленного пролетариата и дает столько же валовой продукции всей латвийской промышленности. Особенно высока концентрация в Риге химической, лесобрабатывающей, текстильной, кожевенной и строительной промышленности. В последнее время правительство сочло необходимым ограничить локализацию промышленности в Риге и запретило дальнейшую организацию промышленных предприятий как в ней, так и в ее окрестностях.

Положение промышленного пролетариата в буржуазной Латвии ухудшилось даже по сравнению с царской Россией. Тот подъем, который тогда переживала промышленность Прибалтийского края, позволил рабочему классу добиться упорной борьбой восьмичасового рабочего дня и известного улучшения своего жизненного уровня. Со времени образования самостоятельной Латвии ее буржуазия, столкнувшись с острыми хозяйственными затруднениями, стала искать выхода из них в систематическом наступлении на жизненный уровень всех трудящихся страны, в том числе и промышленных рабочих. Но особенно резко ухудшилось материальное положение последних в связи с экономическим кризисом 1929—1933 гг.

8-часовой рабочий день давно перестал существовать на деле. В текстильной, обувной, лесопильной и прочих отраслях промышленности продолжительность рабочего дня намного больше официальных 8 часов, достигая под флагом сверхурочных, фактически не оплачиваемых, работ 12, 14 и даже 16 часов. Индекс номинальной заработной платы рабочих возрос с 1921 по 1929 г. на 16%, но стоимость прожиточного минимума увеличилась за то же время на 59%. По исчислениям латвийских буржуазных экономистов, средняя реальная зарплата рабочих в момент наивысшего перед кризисом 1929 г. хозяйственного подъема составляла лишь 80% довоенного уровня. За время кризиса номинальная заработная плата квалифицированных рабочих понизилась к 1934 г. по сравнению с 1929 г. на 22%, тогда как стоимость жизни за тот же период упала всего на 15%.

Поскольку оплата женского труда почти на 50% ниже мужского, латвийские предприниматели усиленно втягивают женщин в производство. В 1921 г. женщины составляли 27% всего состава рабочих, в 1934 г.—42%. Кроме того, в промышленности занято около 6 тыс. подростков-учеников,

составляющих по существу даровую рабочую силу для предпринимателей.

Сокращая затраты на производство, латвийские предприниматели совершенно игнорируют технику безопасности на фабриках и заводах. За пятилетие 1925—1929 гг. в среднем за год имели место 8,5 тыс. несчастных случаев, в 1930—1934 гг.—в среднем уже 28,6 тыс. несчастных случаев; впоследствии число их непрерывно растет: в 1935 г.—34,8 тыс., в 1936 г.—41 тыс., а в 1937 г.—49,6 тыс., что составляло 25% всех застрахованных в больничных кассах.

Подвергая рабочих, занятых на предприятиях, усиленной эксплуатации, латвийская буржуазия опирается при этом на хроническую и все растущую безработицу среди рабочего класса. Капиталистическая рационализация производства, направленная на повышение конкурентоспособности и прибылей предпринимателей, расширяет кадры безработных. Число последних в Латвии возрастало даже в годы относительной стабилизации.

В декабре 1925 г. в Латвии насчитывалось 6,9 тыс. безработных, в декабре 1928 г. их было уже 18 тыс. В январе 1932 г., к моменту наибольшей остроты кризиса и упадка народного хозяйства, безработицей, даже по официальным данным, было охвачено 39 тыс. человек, т. е. около 40% промышленного пролетариата Латвии, а в отдельных городах (Вентспилс, Слока и др.)—80—90%.

В дальнейшем, в период депрессии особого рода и последующего оживления, безработица стала сокращаться; к январю 1939 г., по официальным данным, ею было охвачено 4,3 тыс. рабочих, не считая безработных, использованных на общественных работах. В целях формального уменьшения безработицы правительство установило определенные требования к безработным, желающим стать на учет биржи труда, исключая из списков последних всех рабочих, этим требованиям не удовлетворяющих; под видом предоставления работы безработных направляют в деревню, в хозяйства кулаков, где они вынуждены работать лишь за прокорм. используются за нищенскую плату на тяжелых общественных работах—постройке дорог, осушке болот, лесных работах и т. п.

На наступление буржуазии рабочий класс Латвии отвечает упорной борьбой. Непрерывно растущая волна забастовок была временно задержана кризисной обстановкой 1930 и 1931 гг., но в дальнейшем, несмотря на все трудности, несмотря на жестокие репрессии правительства и предпринимателей и на предательскую роль латвийской социал-демо-

кратии, она вновь быстро поднялась до высокого уровня, В 1926 г. в Латвии имели место, по официальным данным, 53 забастовки, в 1928 г.—179, в 1929 г.—362, в 1930 г.—38, в 1932 г.—139, в 1933 г.—246.

При новом политическом режиме, установившемся в Латвии с 15 мая 1934 г., открытые стачки рабочих стали невозможны, и рабочее движение приняло иные формы.

VIII. ТРАНСПОРТ

В рамках царской России Латвия обладала относительно густой железнодорожной сетью. Общее протяжение железных дорог Латвии в 1914 г. составляло 1 941 км. Риго-Орловская, Либаво-Роменская и Московско-Виндаво-Рыбинская железные дороги соединяли Латвию с внутренними хлебобородными и сырьевыми районами России—Поволжьем, Украиной, Центральнo-Черноземным районом. За годы войны железнодорожная сеть Латвии заметно увеличилась в связи со стратегическим железнодорожным строительством, которое вело как царское правительство, так и германские власти во время оккупации ими Латвии. Стратегические же соображения двигали также и правительством буржуазной Латвии, когда оно форсировало постройку новых железнодорожных линий за годы существования самостоятельной Латвии. В связи со сказанным железнодорожная сеть Латвии в 1920 г. составляла 2 741 км, в 1929 г.—2 762 км, а в 1937 г.—3 272 км. Новые железнодорожные линии связывали Ригу с восточными и северными окраинами государства, балтийские порты—с внутренними районами страны, с Советским Союзом и с восточными областями бывшей Польши. Особое внимание было обращено на строительство пограничных и приморских путей. Важнейшие железнодорожные магистрали Латвии соединяют Ригу с СССР (Рига—Даугавпилс—Полоцк, Рига—Резекне—Себеж, Рига—Гульбене—Остров), с Эстонией (Рига—Валга), с Литвой (Рига—Елгава—Ионишкис и Рига—Елгава—Мажейкяй). Рига, Елгава, Даугавпилс—крупнейшие железнодорожные узлы Латвии. Ряд железнодорожных линий сходится также к Лиепаяе и к Вентспилсу. К 1935 г. Латвия имела 47 км железных дорог на 1 тыс. км² территории, т. е. больше, чем в других прибалтийских странах—Эстонии (30 км), Литве (32 км), Финляндии (15 км), хотя и уступала по густоте железнодорожной сети многим европейским странам. По насыщенности же железными дорогами в отношении к населению (в 1935 г.—

15,9 км на 10 тыс. жителей) Латвия уступает среди капиталистических стран Европы одной лишь Швеции (27,5 км на 10 тыс. человек) и Люксембургу (18 км на 10 тыс. человек).

Подавляющая часть железных дорог (около 95%) принадлежит государству. Характерным неудобством железнодорожной сети Латвии является неодинаковость колеи дорог: железные дороги, унаследованные от царской России,— 1 970 км—ширококолейны (1 524 мм), но часть—около 300 км—ширококолейных дорог обладает колеей в 1 435 мм; кроме того, свыше 500 км дорог—узкоколейных (750 мм) и около 550 км—подъездных путей с колеей в 600 мм. Подвижной состав железных дорог сильно изношен, так как подавляющая его часть перешла к Латвии еще по мирному договору 1920 г., обновление же его происходит крайне медленными темпами. Кроме железных дорог, Латвия обладает хорошо развитой и благоустроенной сетью шоссейных и прочих дорог: в 1937 г. она имела 1 721 км шоссейных и прочих усовершенствованных дорог и 34 тыс. км дорог, покрытых гравием. Заметно развито в Латвии регулярное автосообщение, в ряде случаев конкурирующее с железными дорогами. В 1936 г. в Латвии действовала 91 автобусная линия протяжением 3 335 км. В 1937 г. в Латвии имелось 6 935 автомашин. Значение речного судоходства невелико.

Географическое положение Латвии на путях из России к Балтийскому морю издавна содействовало развитию Рижского, Либавского и Виндавского портов. В период интенсивного капиталистического развития царской России в конце XIX и начале XX в. и соответствующего этому роста внешне-торговых связей России грузооборот трех портов Латвии возрос с 32,6 млн. зол. руб. в 1870 г. до 346 млн. зол. руб. в 1913 г.

Особенно велико было значение Рижского порта, пропустившего в 1913 г. 18% русского вывоза. Как уже отмечалось, с образованием самостоятельного латвийского государства эти порты потеряли свое прежнее значение; в первое еще время через них проходила сравнительно заметная часть внешней торговли Советского Союза, в дальнейшем же, по мере реконструкции Ленинградского, Мурманского и других портов, Рига, Лиепая и Вентспилс сохранили транзитное значение для советской внешней торговли в значительно меньших размерах. Но и в этих пределах транзит советских грузов через Латвию имел для последней крупнейшее хозяйственное значение. В 1936 г. советские грузы составили около

80% (188 тыс. *т*) общего количества транзитных грузов (советских, польских, литовских, эстонских), прошедших через латвийские порты.

Советский транзит обеспечивает крупные доходы латвийским железным дорогам, портовым организациям, складским предприятиям и пр.

Водное пространство Рижского порта составляет 3 600 га; доступен порт для судов с осадкой до 8 м, имеет трехэгажный холодильник, крупные складские помещения, пловучий кран. Более крупные суда грузятся в порту Даугавграве, расположенном в 13 км от Риги и служащем ей аванпортом. Рижский порт замерзает зимой на протяжении около четырех месяцев; с помощью ледоколов судоходство может поддерживаться круглый год.

Водное пространство порта Лиепай—800 га. Лиепая также доступна для судов осадкой до 8 м. Порт оборудован холодильником, элеватором, нефтехранилищем, обширными складами, пловучими кранами, сухими и пловучими доками. Замерзает порт Лиепая лишь в особенно морозные и продолжительные зимы.

Водное пространство порта Вентспилса—280 га. Доступен порт для судов с осадкой до 7 м, оборудован элеватором, холодильником, складочными помещениями. Порт почти не замерзает.

Помимо этих основных портов, Латвия располагает на севере, на границе с Эстонией, второстепенным портом Айнажи, доступным для судов с осадкой до 4,5 м и имеющим значение лишь для каботажного плавания.

В 1937 г. во все порты Латвии зашло 3 292 судна с тоннажем 1 894 тыс. рег. *т* нетто. По грузообороту решающая роль принадлежит Риге, пропустившей в 1938 г. 1 852 тыс. *т* различных грузов; грузооборот Лиепай—245 тыс. *т*—значительно отстает от рижского; еще меньше грузооборот Вентспилса—172 тыс. *т*. В отличие от Риги и Лиепай, в которых экспортные и импортные операции более или менее уравниваются, Вентспилс является преимущественно экспортным портом.

Грузооборот латвийских портов обслуживается, главным образом, иностранным тоннажем. Собственный латвийский флот незначителен: в 1938 г. он состоял всего из 103 судов с общим тоннажем в 190 тыс. рег. *т* брутто. Торговый флот преимущественно малотоннажный и устарелый: из 102 пароходов, принадлежавших Латвии, в 1936 г. 83 были старше 20 лет. Около 50% общего тоннажа приходилось на суда

водоизмещением до 3 тыс. рег. *т* брутто. Латвийское правительство содействует развитию отечественного флота, усматривая в нем источник валютных доходов. В этой связи общий тоннаж латвийского флота возрос с 11,1 тыс. *т* в 1920 г. до 132,9 тыс. *т* в 1929 г. и 190 тыс. *т* в 1938 г.

IX. ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Лишенная минерало-рудных и топливных ресурсов, не обладая собственным текстильным сырьем, не обеспечивая потребности населения в основных продуктах питания и располагая промышленностью лишь с ограниченной номенклатурой производства, Латвия вынуждена ввозить хлопок, шерсть, металлы, уголь и нефтепродукты для своих текстильных, металлообрабатывающих и прочих предприятий, пшеницу и другие продукты для населения и целый ряд фабрикатов, не вырабатываемых на латвийских фабриках и заводах (главным образом, машины, точные аппараты, автомобили и другие изделия, требующие сложного оборудования для их производства). Необходимый Латвии импорт лишь частично может быть покрыт за счет товарного экспорта, тем более что возможности Латвии по вывозу промышленных изделий, как уже отмечалось, всегда были весьма ограничены. Поэтому при общем росте внешней торговли Латвии за время с 1921 по 1929 г. ее торговый баланс оставался неизменно пассивным. Лишь доходы, связанные с транзитными операциями (главным образом Советского Союза), переводы латвийских эмигрантов из Северной и Южной Америки и поступления от заграничных операций латвийского торгового флота позволили Латвии покрывать в платежном балансе пассив ее внешней торговли.

Кризис 1929—1933 гг. особенно сильно и болезненно ударил по внешней торговле Латвии. Латвийский экспорт катастрофически упал, попытки Латвии поддержать его усилением своего вывоза не дали результатов вследствие ограничительных мероприятий прочих капиталистических стран и исключительно глубокого падения мировых цен на основные предметы латвийского экспорта—масло, лен и лес. В 1933 г. вывоз из Латвии составил всего 29% докризисного уровня.

Закрыв рынок для ввоза текстильных изделий и зерна, поглощавшего значительное количество валюты, усиленно стимулируя производство сахарной свеклы и сахара в стране, установив жесткое регулирование ввоза в целом системой

контингентов, валютными ограничениями и пр., латвийское правительство стремилось к сокращению импорта соответственно падению экспорта.

Несмотря на это, торговый баланс Латвии продолжал оставаться пассивным. Закрывая свои рынки для латвийских товаров, крупные капиталистические страны всячески добивались расширения своего экспорта в Латвию, используя для этого ее экономическую и политическую зависимость от них.

С трудом достигнув в 1932 г. небольшого превышения экспорта над импортом, Латвия уже со следующего, 1933, года вновь имеет пассивный торговый баланс вплоть до 1936 г. В период депрессии особого рода и последующего оживления внешнеторговые обороты Латвии возрастают. Резкий скачок 1937 г. объясняется, однако, не только ростом внешней торговли, но в значительной степени и происшедшим в 1936 г. обесценением лата на 40%. Далеко не достигнув еще докризисного уровня, внешняя торговля Латвии вновь упала в 1938 г. под влиянием нового кризиса, поразившего капиталистический мир.

Движение внешней торговли Латвии
(в млн. лат)

	1923 г.	1925 г.	1927 г.	1929 г.	1932 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Импорт . .	212	280	250	362	84	101	121	230	227
Экспорт . .	162	180	221	274	96	99	138	260	227
Сальдо . .	—50	—100	—29	—88	+12	—2	+17	+30	0

Те мероприятия, которые латвийское правительство проводило в целях выравнивания торгового баланса,—форсирование экспорта и сокращение импорта—были направлены на то, чтобы всячески облегчить латвийской промышленной буржуазии и кулачеству тяжесть кризиса и переложить его на плечи трудящихся.

Введенные в 1930 г. законы по так называемой «охране сельского хозяйства» предусматривали широкое премирование кулачества за вывоз масла, льна и бэкона, обеспечивая ему стабильные доходы и возможность широкого демпинга на внешних рынках. Стимулируя посевы пшеницы и сахарной свеклы, прекратив ввоз зерна и сахара, латвийское пра-

вительство обеспечило кулачеству высокие цены на внутреннем рынке и на эти продукты. В то же время видное место в мероприятиях правительства по ограничению импорта занимало резкое повышение таможенных пошлин на предметы широкого потребления—соль, керосин, сельди и т. п. Таким путем, несмотря на сокращение импорта, правительство стремилось сохранить поступление таможенных доходов и, следовательно, те фонды, которые использовались для премирования кулацкого экспорта.

Если обратиться к структуре латвийского экспорта и импорта, то со времени кризиса в ней произошли следующие сдвиги (см. таблицу на стр. 69).

Как видно, важнейшую роль в экспорте Латвии играют продукты лесного хозяйства. Рига издавна являлась крупнейшим лесоэкспортным портом царской России, в котором производились распиловка, разработка и продажа крупных количеств леса, сплавленного плотами в Ригу по Западной Двине, главным образом, из Витебской и Смоленской губерний. Со времени выделения Латвии в самостоятельное государство эти сплавные операции резко сократились, однако Латвия начала развивать собственный лесоэкспорт, опираясь на свои значительные лесные ресурсы. Наряду с пиломатериалами и фанерой—основными статьями латвийского лесного экспорта—Латвия вывозит также балансы, пропсы, изделия из дерева, целлюлозу и в заметных количествах бумагу. Большую часть лесоматериалов Латвия вывозила на английский рынок, где в частности по фанере она занимала видное место среди импортеров.

Вывозя от 15 до 20—23 тыс. *т* масла в год, Латвия определила в этом отношении не только Литву, Эстонию, но и Финляндию, занимая четвертое-пятое место среди капиталистических стран Европы, экспортирующих масло. Аналогично положение и по льну, ежегодный вывоз которого, однако, сильно колеблется (от 4,3 до 16 тыс. *т*) в зависимости от конъюнктуры внешних рынков.

В общем же структура внешней торговли Латвии рисует:

1. Зависимость экспорта и, следовательно, равновесия латвийского торгового и платежного балансов от крайне ограниченного числа товаров. Масло, лес и лен составляют 71,9% всего экспорта (среднее за 1935—1937 гг.).

2. Относительно весьма малую роль промышленного экспорта; вдобавок его значение, выросшее за предкризисные годы с 18,7% в 1924 г. до 54,2% в 1928 г., со времени кризиса систематически падает (в 1933 г.—22,4%, в 1937 г.—

Структура экспорта и импорта Латвии

Экспорт

	1929 г.		Среднегодовая за 1935—1937 гг.	
	в млн. лат	в %	в млн. лат	в %
Пищевые продукты	64,7	23,6	42,1	25,4
В том числе: масло . . .	58,8	21,5	29,7	17,8
бэкон . . .	1,5	0,5	2,7	1,6
Лен	13,6	5,0	12,7	7,6
Лесоматериалы	101,0	36,9	77,2	46,5
В том числе: пиломатериалы	43,2	15,8	24,2	14,6
фанера	13,4	4,9	15,0	9,0
Бумага	7,5	2,8	3,7	2,2
Прочие	87,1	31,7	30,3	18,3
Всего	273,9	100,0	166,0	100,0

Импорт

	1929 г.		Среднегодовая за 1935—1937 гг.	
	в млн. лат	в %	в млн. лат	в %
Пищевые продукты	99,7	27,6	12,0	8,0
В том числе: зерновые . .	59,1	16,4	3,7	2,4
сахар . . .	12,4	3,4	—	—
Удобрения	8,0	2,2	7,0	4,2
Металлы в необработанном и полуобработанном виде .	14,8	4,0	16,2	10,8
Нефтепродукты	6,4	1,8	5,2	3,4
Уголь	14,8	4,1	15,3	10,2
Текстильное сырье	15,7	4,3	12,0	8,0
Химические товары и краски	13,3	3,7	12,3	8,1
Ткани и пряжа	55,4	15,3	17,8	11,8
Машины, инструменты и металлоизделия	52,3	14,4	30,1	20,0
Прочие	81,7	22,6	23,5	15,5
Всего	362,1	100,0	151,4	100,0

17,8%) в силу неблагоприятных условий, в которые он поставлен на внешних рынках из-за слабой конкурентоспособности Латвии.

3. Ограниченность сырьевых и топливных ресурсов Латвии, а также слабое развитие ее промышленной базы, определяющие преобладание в латвийском импорте топлива, сырья и фабрикатов.

Ведущую роль во внешней торговле Латвии играли до самого последнего времени два государства—Великобритания и Германия, упорно боровшиеся за латвийский рынок и поглощавшие от двух третей до трех четвертей латвийского экспорта. На английский и германский рынки Латвия выбрасывала также подавляющую часть вывозимого ею масла, льна и леса. Часть лесоматериалов вывозилась также в Бельгию и Нидерланды; Бельгия же была одним из основных покупателей латвийского льна.

Внешняя торговля Латвии по странам,
(в %)

Страны	Экспорт				Импорт			
	1929 г.	1935 г.	1937 г.	1938 г.	1929 г.	1935 г.	1937 г.	1938 г.
СССР	14,6	2,8	2,6	3,4	4,7	3,7	3,8	3,7
Германия . . .	26,4	33,5	35,1	33,5	41,2	36,8	27,1	39,0
Великобритания	27,4	30,2	38,4	41,9	8,4	20,4	20,7	19,3
Бельгия	8,4	7,9	5,2	2,3	1,5	3,4	8,7	1,8
Франция	3,3	1,8	1,8	2,2	2,5	2,7	1,7	1,6
США	1,5	4,2	1,1	1,4	5,5	6,7	7,0	6,3
Нидерланды . .	—	1,7	3,8	3,8	—	1,7	2,6	1,7
Прочие страны	18,4	17,9	12,0	11,5	36,2	24,6	28,4	26,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Мирный договор между РСФСР и Латвией, заключенный 11 августа 1920 г., создал определенные предпосылки для развития хозяйственных связей между обеими странами. Статья 17 договора, посвященная вопросам экономических взаимоотношений РСФСР и Латвии, не только декларировала согласие сторон о скорейшем заключении между ними торгового договора, но и установила, что впредь до заключения такого договора экономические отношения сторон

будут строиться на основе принципа наибольшего благоприятствования. Та же статья предусматривала освобождение транзитных товаров от пошлин и налогов. Обороты внешней торговли между СССР и Латвией начали быстро возрастать начиная с 1922 г.; в основном они строились на значительном вывозе из СССР в Латвию льна, леса, масла, яиц, птицы и других товаров, переотправлявшихся через Ригу в Великобританию, Германию, Францию и прочие западноевропейские страны. Одновременно из Латвии в СССР ввозились металлы и машины, бумага, кожи, семена. Торговый договор 1927 г., заключенный на пять лет, оказал, как уже отмечалось, весьма благотворное влияние на хозяйство Латвии: обеспечил загрузку латвийской промышленности, сократил безработицу в Латвии, обусловил приток в Латвию значительного количества валюты в связи с транзитными операциями СССР. Переход Латвии к политике резкого ограничения импорта в конце 1931 г. подорвал те основы, на которых был построен торговый договор 1927 г., т. е. принцип наибольшего благоприятствования и предоставленные Советскому Союзу таможенные льготы. В то же время правые политические круги в Латвии повели кампанию против торговли с СССР; экспорт советских товаров в Латвию становился все более затруднительным, и в соответствии с этим СССР сокращал свои закупки в Латвии. По истечении срока действия договора в конце 1932 г. советское правительство не сочло целесообразным возобновить его действие. Новый договор был заключен лишь в декабре 1933 г. сроком на два года с условием его ежегодного продления до тех пор, пока он не будет денонсирован одной из сторон. Одновременно с торговым договором между СССР и Латвией было заключено особое хозяйственное соглашение, предусматривавшее дальнейшую торговлю между обеими странами на основе нетто-баланса: отныне сумма закупок советских организаций в Латвии должна была равняться стоимости советских товаров, экспортированных в Латвию. Идя навстречу пожеланиям латвийских хозяйственных кругов, СССР обязался составлять свои закупки в Латвии не менее чем на 50% из продуктов сельского хозяйства Латвии. С небольшими поправками это хозяйственное соглашение продолжало действовать, вместе с последним торговым договором, вплоть до октября 1939 г. За это время обороты советско-латвийской торговли заметно возросли. В 1938 г. Латвия ввезла из СССР товаров на 8,4 млн. лат, главным образом, апатитов, сельскохозяйственных машин, нефтепродуктов, табака, соли, пушнины.

Сама Латвия вывезла в том же году в СССР на 7,6 млн. лат товаров, главным образом, свиней, сырых и выделанных кож, бумаги и картона.

Помимо того, СССР в значительных размерах фрахтовал латвийские суда для своих перевозок.

Вслед за заключением 5 октября 1939 г. договора о взаимопомощи между СССР и Латвией 18 октября последовало заключение торгового соглашения, содержание и значение которого было изложено выше.

Практически вся внешняя торговля находится под контролем государства: импорт регулируется с помощью всеохватывающей системы товарных и валютных контингентов, экспорт же в значительной степени монополизирован. Исключительное право закупки и экспорта льна с 1920 г. передано государственной льняной монополии; все внешнеторговые операции по хлебу с 1930 г. сосредоточены в руках Государственного хлебного бюро; вывоз масла и яиц производится одной лишь Латвийской центральной маслоэкспортной компанией; бэкона, мяса и скота—акционерным обществом «Экспорт бэкона» и т. д.

Все эти монополистические организации закупают продукцию кулачества по ценам, значительно превышающим мировые, получая соответствующую компенсацию от правительства за счет государственного бюджета.

Крупную роль во внешней торговле Латвии играет иностранный капитал, главным образом, британский и германский (лесоэкспортные, нефтяные, текстильные и прочие фирмы, часто являющиеся лишь отделениями или представителями иностранных предприятий).

Х. ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА, ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ, БАНКИ

18 марта 1920 г. новое латвийское государство ввело в обращение первую собственную денежную единицу, так называемый «латвийский рубль», объявленный с того времени единственным законным платежным средством в Латвии. Царившая в то время в Латвии хозяйственная разруха и отсутствие у государства ресурсов для поддержки установленной им валюты обусловили быстрое обесценение латвийского рубля. 1 августа 1922 г. правительство провело денежную реформу, согласно которой в Латвии устанавливалась новая денежная единица—«лат»,—соответствовавшая по стоимости 50 латвийским рублям, а также 1 золотому франку

и содержащая по паритету 0,2903226 грамма чистого золота. 1 лат равняется 100 сантимам. Курс лата оставался стабильным до середины 1933 г., после чего он колебался в пределах 1—2% до октября 1936 г. В сентябре 1936 г., после девальвации французского франка, Латвия в свою очередь отошла от золотого стандарта, обесценила лат на 40% и увязала его дальнейший курс с курсом английского фунта стерлингов, исходя из соотношения 1 фунт стерлингов = 25,22 лата. В соответствии с этим средний курс лата в 1938 г. по отношению к его золотому паритету составил 59,3%. По курсу Государственного банка СССР на 15 марта 1940 г., 100 лат = 94,14 руб.

Государственные финансы Латвии строятся в основном на чрезвычайно высоком налоговом обложении широких слоев населения. За все время существования самостоятельной буржуазной Латвии в доходной части ее бюджета решающее место занимают прямые и в особенности косвенные налоги.

Среди последних крупнейшее значение принадлежит таможенным сборам, взимаемым, главным образом, с предметов широкого потребления. Налоговая система Латвии возлагает всю тяжесть налогового обложения на широкие массы трудящихся: по бюджету 1938/39 г. основные налоги на имущие слои населения—подходный налог и налог на недвижимость—составляли всего 16,7 млн. лат, а таможенные пошлины и акцизы, падающие, главным образом, на рабочие и крестьянские массы,—56,7 млн. лат.

О том, как высока тяжесть налогового обложения, можно судить по тому, что по бюджету 1938/39 г. на каждого жителя Латвии падало в среднем 60 лат налогов, т. е. одни государственные налоги, не считая местных, составляли на семью в 3—4 человека 180—240 лат при среднем заработке сельского батрака 300 лат в год, а городского рабочего 1000—1200 лат.

Среднемесячная сумма налогов, выплачивавшихся населением Латвии, возросла с 7,8 млн. лат в 1935 г. до 11 млн. лат в 1937 г., т. е. на 41%.

В расходной части государственного бюджета (см. стр. 74) наибольшие затраты, составляющие 20—25% всего бюджета, проходят по военному ведомству. Крупные суммы поглощают государственный аппарат, полиция и суды.

Финансовое хозяйство Латвии обременено внешней задолженностью, значительная часть которой возникла еще со времени гражданской войны в связи с поставкой латвийской

буржуазии оружия и снаряжения Англией и США. В 1938 г. Латвия была должна Англии 1,9 млн. англ. ф. ст. и США—7,1 млн. долл. Небольшую сумму в 4,5 млн. фр. Латвия должна Франции. В 1928 г. в связи с тяжелым состоянием государственных финансов латвийское правительство было вынуждено произвести заем в 6 млн. долл. у Шведского спичечного треста, предоставив последнему в виде компенсации спичечную монополию в Латвии. В 1936/37 г. латвийское правительство заключило заем в 11 млн. шведских крон у шведского общества «Svenska Entreprenad Aktiebolaget» с предоставлением последнему постройки крупной электростанции в Кегуме, на Даугаве; в 1938 г. задолженность по этому займу составляла 5,7 млн. крон. В общей сложности внешний государственный долг Латвии на 31 марта 1938 г. достигал 123,4 млн. лат.

Внутренняя задолженность в 1938 г. достигла 33,2 млн. лат, связана же она, главным образом, с выпущенным в 1931 г. займом на финансирование дорожного строительства и дополнительным к шведскому внутренним займом на постройку электростанции в Кегуме.

Государственный бюджет Латвии в 1938/39 г.
(в млн. лат)

Доходы:		Расходы:	
Прямые налоги	42,3	Содержание государственного аппарата	60,3
Из них:		Расходы на просвещение и социальное обеспечение	32,0
подоходный	11,0	Дотации промышленности и сельскому хозяйству	10,2
на недвижимое имущество	5,7	Расходы военного министерства	36,5
Акцизы	21,1	Капиталовложения	37,3
Пошлины таможенные	35,6	в том числе по военному министерству	9,2
Разные сборы	18,0	Прочие	14,2
Доходы от государственной монополии и государственных предприятий	62,9		
Прочие	11,0		
Всего	190,9	Всего	190,5

Право денежной эмиссии принадлежит в Латвии Государственному банку Латвии, ведущему одновременно и кредитные операции. В 1935 г. правительство провело реорганизацию банковской системы Латвии, в связи с которой были ликвидированы более мелкие кредитные организации (8 частных банков и 11 обществ взаимного кредита), а основные функции по финансированию промышленности, торговли и сельского хозяйства сосредоточены в двух «привилеги-

рованных» банках—Латвийском кредитном банке и Латвийском земельно-кредитном банке. Кроме того, в Латвии имелось в 1939 г. семь частных коммерческих банков, 28 обществ взаимного кредита и 10 обществ коммунального кредита. Среди частных коммерческих банков один принадлежит британскому капиталу (2 млн. лат), другой—германскому (1,5 млн. лат).

ХІ. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

По конституции, принятой Учредительным собранием Латвии 15 февраля 1922 г., Латвия была провозглашена буржуазно-демократической республикой. Формально законодательная власть принадлежала по конституции сейму, состоявшему из 100 представителей, избравшихся на три года. Исполнительная власть находилась в руках президента республики, избравшегося сеймом также на три года, и Совета министров, образованного председателем совета, назначавшимся президентом. Совет министров по конституции был ответствен перед сеймом. Несмотря на формальную демократичность латвийской конституции, провозглашенные ею демократические свободы широко нарушались—коммунистическая партия и революционные профсоюзы были загнаны в глубокое подполье.

Рост революционных настроений среди трудящихся масс Латвии, усилившийся в связи с кризисом 1929—1933 гг., толкал буржуазию на консолидацию ее сил и установление «твердой» власти без всяких демократических «прикрас». В ночь с 15 на 16 мая 1934 г. стоявшее тогда у власти правительство Крестьянского союза объявило военное положение в стране и отменило конституцию 1922 г.; сейм был распущен, политические партии запрещены, профсоюзы и органы самоуправления ликвидированы. Вся законодательная и исполнительная власть была сосредоточена в руках Совета министров, возглавляемого его председателем. С 11 апреля 1936 г., когда истек срок полномочий бывшего президента Латвии Квесиса, функции президента перешли к председателю Совета министров Карлу Ульманису.

В качестве «представительных» органов создано шесть «камер» корпоративного типа: 1) Торгово-промышленная камера, 2) Сельскохозяйственная камера, 3) Ремесленная камера, 4) Камера труда, 5) Камера литературы и искусства, 6) Камера профессии.

Каждая камера состоит из 100 человек, назначаемых главой государства. Из представителей первых четырех камер (торгово-промышленной, сельскохозяйственной, ремесленной и труда) образуется так называемый Государственный хозяйственный совет, а из последних двух (литературы и искусства и профессии)—так называемый Государственный культурный совет. Оба собрания имеют лишь совещательный характер.

Вооруженные силы Латвии состоят из кадровой армии и военизированной организации «Айзсарги». Кадровая армия комплектуется на основе всеобщей воинской повинности, состоит в мирное время из четырех пехотных дивизий (каждая из них имеет по три пехотных и одному легкому артиллерийскому полку), одного кавалерийского полка, одного полка тяжелой артиллерии, одного полка береговой артиллерии в Даугавгриве, одного саперного полка, одного полка военной связи, одного танкового полка, одного полка блиндированных поездов и одного авиаполка. Военно-воздушный флот насчитывал в 1938 г. 79 машин, военно-морской флот—две подводные лодки и пять прочих небольших единиц. Кадровый состав армии мирного времени: по сухопутным войскам—2 200 офицеров и 23 тыс. солдат, по военной авиации—550 человек, по военно-морскому флоту—450 человек. Кроме того, пограничная охрана насчитывает 100 офицеров и 1 200 солдат. Запас военнообученных—около 200 тыс., из них 17 тыс. инструкторов и более 1 тыс. офицеров.

В военизированной организации «Айзсарги», возникшей еще во время гражданской войны в Латвии и состоящей, главным образом, из сыновей городской и сельской буржуазии, насчитывается около 50 тыс. человек, в том числе около 10 тыс. женщин. «Айзсарги» делятся на 19 пехотных полков, один авиационный и один железнодорожный, имеют свою артиллерию, танки, самолеты и прочее вооружение. Задачи организации «Айзсарги» в мирное время—вспомогательная по отношению к полиции служба, в военное—образование костяка мобилизуемой армии, обеспечение и охрана тыла и работы железных дорог.

ХII. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

До переворота 15 мая 1934 г. на представительство политических интересов латвийской буржуазии претендовало множество различных партий, выросших с образованием самостоятельной буржуазной Латвии и отражавших ее край-

ную политическую раздробленность. На крайнем правом фланге политических группировок буржуазии находилась так называемая партия «Национальное объединение» — партия банковских, торговых и промышленных воротил, крупных домовладельцев и высшего духовенства. Ее вождем и идеологом выступал Берг. Несмотря на неоднократные попытки проникнуть в массы с помощью безудержной демагогии и обманных лозунгов, партия Национального объединения не смогла создать себе массовой базы. В 1927 г. Национальное объединение пошло на инспирированный английским капиталом, но неудавшийся путч, направленный на захват власти и срыв стоявшего тогда в порядке дня торгового договора с СССР. По отношению к последнему Национальное объединение неизменно занимало резко враждебную позицию.

Наиболее влиятельной политической группировкой латвийской буржуазии является партия кулачества — Крестьянский союз, — возглавляемая Карлом Ульманисом. До 1934 г. Крестьянский союз составлял вторую по численности (после социал-демократов) фракцию латвийского сейма. За Крестьянским союзом идет также часть мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции. Под его руководством находится военная организация «Айзсарги». Оказывая решающее влияние на всю политическую жизнь страны и до 1934 г. неоднократно поставляя своих лидеров в качестве руководителей министерских кабинетов, Крестьянский союз после 1934 г. захватил в свои руки монополию власти.

Интересы той группы кулачества, которая возникла в результате аграрной реформы, представляла особая партия, так называемая «Партия новохозяев», возглавлявшаяся Блоднеком. Партией промышленного капитала, чиновничества и части интеллигенции выступал так называемый «Демократический центр» во главе с Юрашевским. Среди мелкой буржуазии работало так называемое «Прогрессивное объединение», возникшее из правого крыла социал-демократии, отколовшегося от нее в 1925 г. Прогрессивное объединение возглавлялось Скуенексом. Среди более мелких буржуазных партий находились различные клерикальные и национальные (русские, еврейские, польские) группы.

Латвийский меньшевизм, изгнанный в 1918 г. из рядов объединенной до того социал-демократии, создал после этого свою, так называемую социал-демократическую, партию, лидерами которой являлись Мендер, Кальнин, Целен и др. За годы существования самостоятельной Латвии

латвийская социал-демократия показала себя верным слугой латвийской буржуазии, систематически помогая последней в ее политике одурачения масс, спасая ее в наиболее критические моменты послевоенной истории, раскалывая и ослабляя рабочее движение в Латвии. Своей предательской политикой латвийская социал-демократия все больше разоблачала себя в глазах масс, и влияние ее на них систематически падало: собрав на выборах в Национальный совет в 1920 г. 275 тыс. голосов, социал-демократы получили на выборах в последний сейм всего 180 тыс. голосов. Свою ненависть к Советскому Союзу латвийские социал-демократы сплошь и рядом пытались прикрыть «дружественной» фразеологией, выступлениями за усиление экономических связей Латвии с СССР, по существу же заботясь лишь о расширении рынков сбыта для латвийских предпринимателей.

Партией рабочего класса была и является Коммунистическая партия Латвии, за которой идут также сельскохозяйственный пролетариат Латвии и бедняцкие слои крестьянства. С самого начала существования буржуазной Латвии коммунистическая партия находилась на нелегальном положении.

С 1934 г. все политические партии Латвии официально считаются распущенными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пакт о взаимопомощи между СССР и Латвией, подписанный 5 октября 1939 г., явился одним из важных этапов в деле обеспечения мира в Восточной Европе и безопасности Советского Союза со стороны Балтийского моря. Такое же значение имели и договоры о взаимопомощи между СССР, Эстонией и Литвой.

Заклученный 12 марта 1940 г. мирный договор между Советским Союзом и Финляндией, обеспечивший безопасность Ленинграда, Мурманска и Мурманской железной дороги, завершил выполнение поставленной советским правительством задачи обеспечения безопасности Советского Союза со стороны Балтийского моря. Договор с Финляндией явился необходимым дополнением к договорам о взаимопомощи, заключенным с Эстонией, Латвией и Литвой. Подводя итоги первого полугодия, прошедшего со времени заключения этих договоров, т. Молотов указал на VI сессии Верховного Совета СССР, что на основании этого опыта можно сделать вполне определенные положительные выводы

о договорах с прибалтийскими странами: «Следует признать, что договора Советского Союза с Эстонией, Латвией и Литвой способствовали упрочению международных позиций как Советского Союза, так и Эстонии, Латвии и Литвы»¹. Антисоветская пресса Англии, Франции, США и прочих стран пыталась и пытается представить дело так, что договоры СССР с прибалтийскими странами лишили последних государственной независимости. «Вопреки запугиваниям, которыми занимались враждебные Советскому Союзу империалистические круги, государственная независимость и самостоятельность политики Эстонии, Латвии и Литвы ни в чем не пострадали, а хозяйственные отношения этих стран с Советским Союзом стали заметно расширяться. Исполнение договоров с Эстонией, Латвией и Литвой проходит удовлетворительно и создает предпосылки для дальнейшего улучшения отношений между Советским Союзом и этими государствами»².

Заинтересованные в сохранении мира в Восточной Европе, Эстония, Латвия и Литва приняли с глубочайшим удовлетворением сообщение о заключении мирного договора между СССР и Финляндской республикой, справедливо рассматривая его как необходимое завершение той мирной политики Советского Союза в районе Прибалтики, звеньями которой были и пакты о взаимопомощи, заключенные ими с СССР в конце 1939 г.

---

¹ *Молотов*, Внешняя политика правительства, Госполитиздат, 1940, стр. 17.

² Там же.

Приложения

О ЗАКЛЮЧЕНИИ ПАКТА О ВЗАИМОПОМОЩИ МЕЖДУ СОЮЗОМ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

В течение 2—5 октября 1939 года в Москве происходили переговоры между Председателем Совнарксма и Наркоминделом тов. Молотовым и Министром Иностранных Дел Латвии г. Мунтерсом по вопросу о заключении Пакта о взаимопомощи между СССР и Латвией.

В переговорах участвовали гг. Сталин, Потемкин и Полпред СССР в Латвии т. Зотов, а со стороны Латвии—Посланник Латвийской Республики в СССР г. Коцинъш.

Переговоры закончились подписанием 5 октября Пакта о взаимопомощи.

Текст Пакта о взаимопомощи приводится ниже.

ПАКТ О ВЗАИМОПОМОЩИ МЕЖДУ СОЮЗОМ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Президиум Верховного Совета СССР, с одной стороны, и Президент Латвийской Республики, с другой стороны, в целях развития установленных мирным договором от 11 августа 1920 года дружественных отношений, основанных на признании независимой государственности и невмешательства во внутренние дела другой Стороны;

признавая, что мирный договор от 11 августа 1920 года и договор о ненападении и мирном разрешении конфликтов от 5 февраля 1932 года попрежнему являются прочной основой их взаимных отношений и обязательств;

убежденные, что интересам обеих Договаривающихся Сторон соответствует определение точных условий обеспечения взаимной безопасности,

признали необходимым заключить между собой нижеследующий пакт о взаимопомощи и назначили для этой цели своими уполномоченными

Президиум Верховного Совета СССР:

В. М. Молотова, Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных Дел,

Президент Латвийской Республики:

Вильгельма Мунтерса, Министра Иностранных Дел, каковые уполномоченные, по взаимном предъявлении своих полномочий, найденных составленными в должной форме и надлежащем порядке, согласились о нижеследующем:

Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае возникновения прямого нападения или угрозы нападения со стороны любой великой европейской державы по отношению морских границ Договаривающихся Сторон в Балтийском море или сухопутных их границ через территорию Эстонской или Литовской Республик, а равно и указанных в статье III баз.

Статья II

Советский Союз обязуется оказывать Латвийской армии помощь на льготных условиях вооружением и прочими военными материалами.

Статья III

Латвийская Республика, в целях обеспечения безопасности СССР и укрепления своей собственной независимости, предоставляет Союзу право иметь в городах Лиепая (Либава) и Вентспилс (Виндава) базы военно-морского флота и несколько аэродромов для авиации, на правах аренды по сходной цене. Точные места для баз и аэродромов отводятся и их границы определяются по взаимному соглашению.

В целях охраны Ирбенского пролива Советскому Союзу предоставляется право, на тех же условиях, соорудить базу береговой артиллерии на побережье между Вентспилс и Питрагс.

В целях охраны морских баз, аэродромов и базы береговой артиллерии Советский Союз имеет право держать в участках, отведенных под базы и аэродромы, за свой счет строго

ограниченное количество советских наземных и воздушных вооруженных сил, максимальная численность которых определяется особым соглашением.

Статья IV

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон.

Статья V

Проведение в жизнь настоящего пакта ни в какой мере не должно затрагивать суверенных прав Договаривающихся Сторон, в частности их государственного устройства, экономической и социальной системы и военных мероприятий.

Участки, отводимые под базы и аэродромы (ст. III), остаются территорией Латвийской Республики.

Статья VI

Настоящий пакт вступает в силу с обменом актов о ратификации. Обмен актов будет произведен в городе Риге в течение шести дней со дня подписания настоящего пакта.

Срок действия настоящего пакта десять лет, причем, если одна из Договаривающихся Сторон не признает необходимым денонсировать настоящий пакт за год до истечения срока, последний автоматически продолжает свое действие на следующие десять лет.

В удостоверение чего, поименованные выше уполномоченные подписали настоящий пакт и приложили к нему свои печати.

Учинено в гор. Москве в двух оригиналах, на русском и латышском языках, 5 октября 1939 года.

В. МОЛОТОВ

В. МУНТЕРС

КОММЮНИКЕ О СОВЕТСКО-ЛАТВИЙСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ

В беседе, имевшей место в связи с подписанием латвийско-советского Пакта о взаимопомощи между Председателем СНК, Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР тов. В. М. Молотовым и Министром Иностранных Дел Латвии г-ном В. Мунтерсом, в присутствии тов. И. В. Сталина и Латвийского Посланника г-на Ф. Кюциньша, обе стороны

установили свое единогласное мнение о том, что в интересах успешного проведения в жизнь Пакта о взаимопомощи необходимым фактором является взаимное доверие, установившееся в течение долгих лет развития существующих дружественных взаимоотношений между обоими государствами.

Положив в основу Пакта о взаимопомощи незыблемые положения Мирного договора и Договора о ненападении, обе стороны снова подтвердили безоговорочное признание суверенных прав каждого государства, их принципа невмешательства в его внутренние дела. Убедившись на многолетнем опыте, что различие государственных систем обеих стран не является препятствием для плодотворного сотрудничества между ними, каждая сторона заявила, что в новых обстоятельствах, созданных Пактом о взаимопомощи, она всегда будет руководствоваться уважением к государственной, социальной и экономической структуре другой стороны, укрепляя таким образом основы мирного добрососедского сотрудничества между их народами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
I. Территория и границы	3
II. Природные условия	4
III. История Латвии до образования самостоятельного Латвийского государства	9
IV. Взаимоотношения Латвии с СССР и капиталистическими странами	26
V. Население Латвии	37
VI. Аграрные отношения и сельское хозяйство	41
VII. Промышленность и положение промышленного пролетариата	53
VIII. Транспорт	63
IX. Внешняя торговля	66
X. Денежная система, государственные финансы, банки	72
XI. Государственный строй и вооруженные силы	75
XII. Политические партии	76
Заключение	78
Приложения	80

М. | Жирмунский. Латвия.

Советизм. 1940 г. Издание первое.

Редактор *П. Орлов*. Младший редактор *В. Маркина*.

Тех. редактор *Л. Кошутина*. Корректор *Н. Верховская*.

Сдано в набор 13/II 1940 г. Подписано к печати 13/IV 1940 г. Формат 84×108/32. Печ. л. 5¹/₄. Уч.-авт. л. 4,871. Огиз № 2235. Заказ № 304. Тираж 20 000 экз. Серия: научно-популярн. Цена книги 1 р. Цена переплета 50 к. Уполномоченный Главлита А—27536.

16-я типография треста «Полиграфкнига»,
Москва, Трехпрудный, 9.